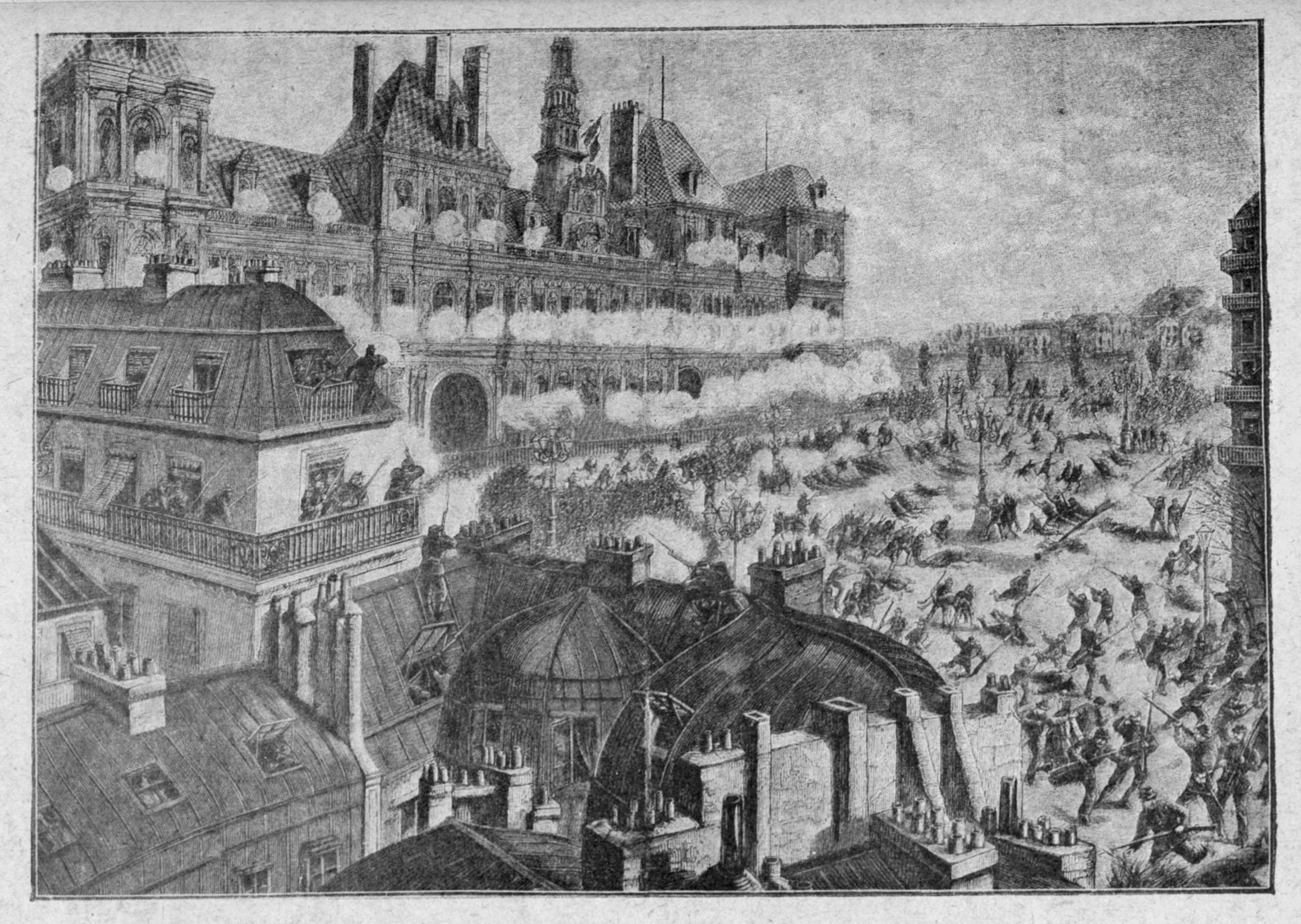

ПИОНЕР
6
П 29
34

Бой с версальцами у здания ратуши в Париже

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МАРТА

18 марта 1871г. рабочие и ремесленники Парижа подняли восстание против буржуазного правительства и захватили власть в свои руки.

Непосредственным поводом к восстанию послужила предательская политика Тьера, собиравшегося сдать Париж немцам, с которыми тогда вела войну Франция.

Тьер—главный министр тогдашнего буржуазного правительства—надеялся на то, что немцы помогут ему расправиться с недовольным парижским пролетариатом.

Рабочие и ремесленники Парижа опередили Тьера, и когда он собирался в ночь с 17 на 18 марта разоружить так называемую национальную гвардию Монмартра[1], которую организовали сами рабочие, они подняли восстание, которое быстро переросло во всенародное. Тьер и буржуазия убрались из Парижа.

Пролетариат победил.

Коммуна торжествовала.

Новая власть провела ряд мер, облегчающих положение пролетариата и бедноты. Эта была власть пролетариата, его диктатура.

Парижская Коммуна была прообразом советской власти, которую установил пролетариат России спустя 46 лет после гибели Коммуны.

А Коммуна погибла в море огня и крови. Дав свободно уйти правительству Тьера и его войску, пролетариат совершил тем самым большую ошибку. Тьер, спустя 12 дней, собравшись с силами, ворвался в Париж.

Каждый камень, каждую пядь земли, каждый дом пролетариат Парижа отдавал врагам лишь после того, как защитники баррикад испускали последний вздох. Руку об руку со взрослыми дрались женщины и дети.

Прошло 46 лет... Уже не во Франции, а в России пролетариат поднялся на своих поработителей, чтобы отомстить за 30.000 парижских коммунаров, вырезанных буржуазией.

Коммуна — не только исторический эпизод. Это прежде всего сама борьба.

В далеком и таинственном Китае, в сказочно богатой Америке льется кровь рабочего и крестьянина, и сотни тысяч пролетариев ввергаются в тюрьмы. Нынешних борцов за коммуну вдохновляет пример героической борьбы и победы русского пролетариата. Их вдохновляют на борьбу миллионы членов МОПР‘а, особой организации, созданной в России, задача которой (организации) помощь революционерам, томящимся в тюрьмах капитала. 18-е марта—день Парижской Коммуны—является у нас днем МОПР‘а, днем призыва к помощи, днем напоминания о нашем долге перед памятью павших.

Десятки и сотни тысяч пионеров и пролетарских детей, входящих и невходящих в члены МОПР‘а, ответят на этот призыв бодрым: „Всегда готов!“

ФРАНЦИЯ

Vive la Fédération des Enfants ouvriers et paysants!
Вив ла федерасион де занфан увриер е пейзан!
Да здравствует федерация Детей рабочих и крестьян!

[1] Рабочий район Парижа.

РЕДКОЛЛЕГИЯ. Изд. № 2618 **Отв. редактор** *Н. СЛЕПНЕВ*

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 12 м. — 3 р. — к.
» 6 » — 1 » 60 »
» 3 » — » 85 »
» 1 » — » 30 »

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ
Москва, центр, Нов. площ., 6/8.
Издательство «Молодая Гвардия»

ОРГАН
ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

№ 6 МАРТ 1928 г.

ДЕТСТВО ДЕН ШИ-ХУА

Главы из книги С. ТРЕТЬЯКОВА
„Биография китайского студента“
Рисунки художника ЛИУ - ЛИН

(Окончание)

СЕСТРЕНКА

Дядина школа уже перебралась в другой храм просторнее, но и дальше от дома. Чтобы не выхаживать мне до переутомления долгие концы от дома до школы, дядя забирает меня жить к себе и отпускает домой по субботам. Дядя придерживается европейских порядков. В его школе, как в казенной, раз в неделю день отдыха. Это не то, что частные школы, держащие ученика над книгой от праздника до праздника. А праздники в Китае редки, как ручьи в пустынях.

Учебный день. Меня вызывают из класса. Это служанка. Соображаю — с матерью неладно. Служанка появляется в нашем доме только в те дни, когда мать выходит из строя.

Спешу. По дороге служанка сообщает мне то, чего я никак не ожидал:

— Мать родила тебе сестру.

Я рад, а то мне одному дома скучно.

Служанка сдает меня бабушке. Лукаво и торжественно вводит меня старуха в мамину комнату. Мать лежит бледная, худая на кровати, вытянув руки поверх одеяла, и молчит.

Рядом с ее кроватью маленькая, смешная кроватка. В ней в белых пеленках лежит что-то, сделанное из сплошных шариков и щелочек.

— Девочка,—говорит бабушка.

Я хочу потрогать сестру, но бабушка мне не позволяет. Тогда я решаю немедленно пойти в лавку и купить ей конфету. Бабушка садится на мамину кровать и смеется долго, долго тоненьким голосом. Перестает, глядит на меня, повторяет: —„Конфету“— и снова смеется. Дорого обходится мне эта конфета. Бабушка умеет вышучивать. Я говорю бабушке:

— Это хорошо, что у нас родилась девочка.

— Нет, плохо,—важно возражает она.—Ведь у нас, в Сы-Чуане, за невестой надо давать приданое. Одно разорение. Вот если бы мы жили в Цзянсу, она бы сделала хорошо, родившись; там за невесту платят семье выкуп.

— Девочка,—говорит бабушка

Я с бабушкой не согласен. А впрочем она опять смеется. Вероятно, все ту же конфету вспомнила.

Служанка осторожно, чтобы не расплескать, несет маме чашку с вареной курицей. Каждая роженица в Китае в послеродовые дни ест курицу. Курица— вещь вкусная. Я смотрю на нее приветливо. Мама сажает меня рядом и мы опустошаем чашку в четыре челюсти.

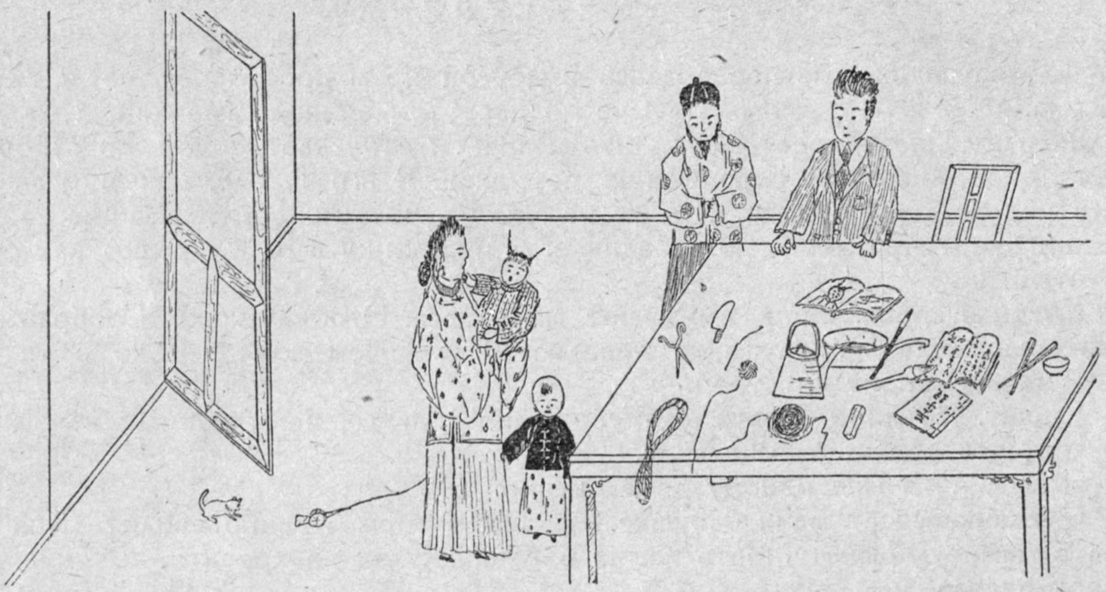
Беря пустую чашку, бабушка снова серьезно глядит на меня и деловито говорит:

— Правда, Ши-Хуа, хорошо бы, чтобы мать каждый год рожала брата или сестру, тогда бы ты часто ел курицу.

Через месяц в нашем тихом доме жужжат родичи. Какая их уйма. Мама ходит ясная, приветливая, но все-таки белая и худая, хотя она весь этот месяц не работала. Она выходит в гостиную с сестренкой на руках и все родственники по очереди подходят, ворошат пучеглазую девочку. На голый живот которой падает красный фланелевый передник—от простуды. Говорят о том, чей нос, на кого похожи глаза, в кого удались губы, и изрекают пожелания счастья:

— Пусть она будет умная, как ее мать.

— Пусть из нее выйдет приветливая хозяйка.

Возьмет кисть—будет писательницей, схватит кастрюлю—станет домохозяйкой, цапнет шелк—вырастет франтихой

— Быть ей самой красивой невестой в Лин-Сы.

— Она будет ню-цай-цзы.

Ню-цай-цзы—значит знаменитая писательница. Это пожелание говорит старший дядя. Я знаю—он сам любит писательствовать, поэтому всем новорожденным он говорит одно и то же: мальчикам желает быть цай-цзы—гениальными писателями, а девочкам—ню-цай-цзы.

Осмотр окончен, сестренка завернута в пеленки и унесена. Родичи подносят матери подарки. Тут и яйца в плетушках, и клохчущие куры, и кульки сахара, и отборный рис, клейкий и разваривающийся, который хочется нанизать на нитку и надеть как ожерелье, такой он красивый, и конфеты.

Ах, конфеты.

Бабушка переводит глаза с кулька конфет на меня и опять смеется.

Процессия родичей движется в столовую.

За столом от нашей семьи им раздаются ответные подарки: по два красных яйца.

Мне жалко—у нас нехватило денег и я не смог на каждое яйцо наклеить резной из золоченной бумаги иероглиф „счастье“.

А ровно через год, в день рождения сестренки, те же родичи толпятся в нашем доме. В зале красной скатертью накрыт стол, а на столе разложены разные вещи:

Нитка, иголка, кастрюля, чайник, кисть, печать, туш, нож, книга поэм, книга рассказов, гибкая фехтовальная шпага, учебник, кусок узорчатого шелка.

Девченку, норовящую от смущения пососать свою собственную ногу, подносят к столу и смотрят, за какую вещь она ухватится. Возьмет кисть— будет писательницей, схватит кастрюлю — станет домохозяйкой, цапнет шелк—вырастет франтихой, ухватится за шпагу—прославится как героиня и полководица.

Жена даоиня является с визитом к моей матери

Я не знаю, какую вещь выбрала моя сестрица. Судя по тому, что сейчас в Пекинском университете она проявляет большой интерес к литературе, она должна была схватить кисть или книгу. Впрочем, она племянница двух учителей. На красной скатерти было наворочено столько книжных, канцелярских и писчебумажных товаров, что бедная иголка с ниткой не имела почти никаких шансов попасть в лапченки годовалой Ши-Куэн.

В те дни она главенствует дома, оттесняя меня на самый задний план. Впрочем, я не обижаюсь. Я взрослый. Я старше ее на целых шесть лет.

Я БОЛЕН

Самые тяжелые дни вызревания революции, когда накапливаются винтовки, отряды и боевая злоба, проходят, не касаясь моего воспаленного мозга.

Я болен. Тяжелая лихорадка перебрасывает меня из влажного жара в липкий холод. Все время на меня из-за полога кровати лезет злобное рыло того, кто меня ненавидит и хочет убить. Глаза мои бредят. Рыло движется из любого узора, из любого пятна на стене. Врач Лин-Сы уже который раз щупает мне пульс и смотрит язык. Он ничего не понимает. Мать завертывает меня в ватные одеяла, младший дядя сносит меня вниз к реке, а затем я чуть помню крытый кузов большой лодки, которую трое гребцов проталкивают тяжелыми веслами против бешеного и порожистого течения Ян-Цзе к городу Тей-Ань, где служит отец.

Восемь месяцев лежу я и таю, и выгораю болезнью в комнате отцовской квартиры. Сквозь бред слышу я иногда его стремительные шаги в соседней комнате. Он ко мне не заходит. Он нами не интересуется. Пискливая сестренка, карабкающаяся на материнских руках, для него не дороже дохлой вуалехвостой рыбки, плавающей вверх брюшком в стеклянной вазе. Он весь там, где готовят революцию, где отрывисто гудят грубые голоса людей, а приезжающие и уезжающие проходят как песчинки в начинающем закипать котле.

Врач приходит ко мне часто, он уже не смотрит языка и не щупает пульса. Он только недоуменно вздергивает бровью, как бы удивляясь: „скажите, пожалуйста, еще не умер". И пишет рецепты. Горчайшее лекарство течет по моему одеревянелому языку и лихорадка нудит нутро, не давая передышки. Я с кроватью отделяюсь от пола, и вот уже комната, балки потолка и оконные стекла и склянки на столе в изголовьи начинают описывать круги вокруг меня. Так вращается ночью небесный свод с вколоченными в него звездами вокруг неподвижного земного шара.

Комната вертится колесом, и губы несут околесицу, а рядом со мною на стуле, укачав и положив в колыбель сестренку, безмолвно мучается мать.

Кризиса нет. Болезнь тянется, как необозримое болото. В светлые минуты нельзя понять: то ли это перелом к выздоровлению, то ли предсмертное прояснение запытанного хворью мозга.

Полегчает, отпустит и снова кидает в бред и в жар.

Сквозь туман, слабость и круговорот комнаты помню глухие ночи, нестерпимо надоевший язык керосиновой лампы, и мать, которая, придвинув к этой лампе свой натянутый прической гладкий белый лоб, шьет и шьет из ночи в ночь, ворошась в лоскутах белой материи с какими-то красными не то узорами, не то иероглифами.

Я ее спрашиваю:

— Мама, что это ты шьешь?

Мама, вздрогнув, сбивает лоскуты в плотную кучу и отвечает:

— Это я, Ши-Хуа, тебе шью новый костюм к выздоровлению.

Я не верю. Я больше не спрашиваю. Во-первых, куда мне столько костюмов, а во-вторых, я вижу: то днем, то ночью приходят люди и уносят охапки пошитой матерью материи и все-таки ворох ее не становится меньше.

Только потом, после выздоровления, когда над восставшим Тей-Анем на высоких бамбуковых древках взлетели революционые знамена белые с красным кольцом по середине, в которое вшит был красный же иероглиф „Хань“— древнее имя китайского племени я понял, что за одежду к моему выздоровлению все эти больные месяцы шили мамины руки.

Кончается лето. Тихо уходит болезнь. Нет уже моих крепких красных щек. Болезнь сделала меня хилым и прозрачным.

И до сих пор лапа болезни на моей впалой груди, хотя я уже взрослый человек. Желтый октябрь проходит над Сы-Чуаном. Уже революция близка. Уже ее нельзя спрятать. Уже она прорывается тут неосторожным словом, там выстрелом или ударом ножа.

Отец ходит страшный. Никто из нас не осмеливается подходить к нему. Он осунулся. Глаза завалились в берлоги, губы и подбородок почернели небритой щетиной, волосы отросли нечистоплотными прядями, как у монаха.

Восстание уже близко, может быть, через три дня, может быть, послезавтра.

Младший дядя появляется в нашем доме: он приехал увезти меня в деревню. Мама горько плачет, точно ее прорвало. Я тоже не хочу в деревню. Я хочу остаться с мамой. Отец гневно кричит, он приказывает. Я легкий, почти голубой, качаюсь от слабости почти так же, как качается бабушка на своих золотых лилиях. Мать загораживает меня от отца, быстро гладит по волосам и шепчет:

— Поезжай в деревню, я сейчас же приеду вслед за тобой.

Я знаю, ей хочется побыть со мной: я с натугой влезаю обратно в жизнь, а она уже тихо уходила из жизни.

Снарядить меня не долго. Быстрые мамины руки складывают в мешок мои учебные книжки с картинками, жестяную банку с вареньем и любимые мои шахматы.

Я чуть помню крытый кузов большой лодки

В городе стало тревожно.

Прополз слух, что мой отец—революционер. Слух дошел до даоиня:

— Как? Начальник полиции—революционер?

Недоверчивый старик начинает проверять слух издалека.

Жена даоиня является с визитом к моей матери. У нее верткий язык, острые глаза, хорошо наставленные уши.

Идет чаепитие, беседа, сплетня.

Мать весела и приветлива:—Ах, она так рада видеть уважаемую жену начальника мужа. Ах, она счастлива с ней беседовать напролет, забывая часы сна и отдыха.

На другой день мать отдает визит жене даоиня:—и опять чаепитие, опять восхищения и восклицания искренней дружбы.

Как можно уехать в деревню, когда надо залепить даоиню глаза и уши липким и сладким тестом лести, а не то липкая теплая кровь казни хлынет из глаз и ушей отца, ее самой и меня, ждущего ее в далеком Сиань-Ши.

Нельзя подавать вида, будто перед решительным днем восстания идет заблаговременная отсылка семьи в деревню.

Женской проверки даоиню мало. Отцу приносят красную пышную визитную карточку. Даоинь приглашает его к себе на банкет.

Итти или не итти? А вдруг на банкете упадешь, почернев, под стол, проглотив отравленный бокал приветственного тоста.

А вдруг в разгар обеда, после вкуснейшей слизи акульих плавников, руки даоиньских телохранителей схватят подмышки, выведут во двор и предадут излюбленной казни, изобретенной жестоким стариком,—толстою палкой, в роде оглобли, медленно, в течение трех часов будут забивать на смерть.

Но не пойти—значит провалить подготовку восстания.

Отец идет на банкет, согласно этикета, не взяв с собой ни одного телохранителя. Трогательные беседы журчат за столом. Задушевный обед успокаивает старика на три четверти. Но все-таки он отдает приказ взять под наблюдение дом отца.

Странные зеваки, появляются с этого дня на улицах рядом с полицейским управлением и отцовской квартирой. Совершенно новые разносчики раскрывают свои лотки на ближних перекрестках. В ответ на это отец отдает приказ перенести все тайные собрания за город. Работать становится невыносимо трудно.

Каждое утро отец входит во двор полицейского управления, запирает за собой дверь кабинета, у которого стоят часовые, и велит никого не принимать. Через полчаса из полицейского управления выходит неряшливо одетый бородатый крестьянин, явный простофиля из дальних нагорий. Пряча лицо под дюжей соломенной шляпой, он уходит развалистыми шагами в сопровождении полицейского мимо скучающих сыщиков.

К вечеру этот же полицейский приводит к воротам управления захудалого фруктовщика, волокущего в бамбуковых корзинах на гибком коромысле персики и виноград. Вид у этого торговца явно беспатентный.

А через полчаса из ворот полицейского управления мимо отдающих честь часовых, весь в черном от носков до горла мундире, придерживая никелированные ножны палаша, идет отец, направляясь после трудного дня домой. Тайное собрание проведено, проверены новые отряды, розданы директивы.

Коробка с гримировальными красками, искусственные бороды, шляпа разносчика и лохмотья крестьянина заперты в кабинете начальника полицейского управления.

Завтра опять опасный спектакль.

Утром

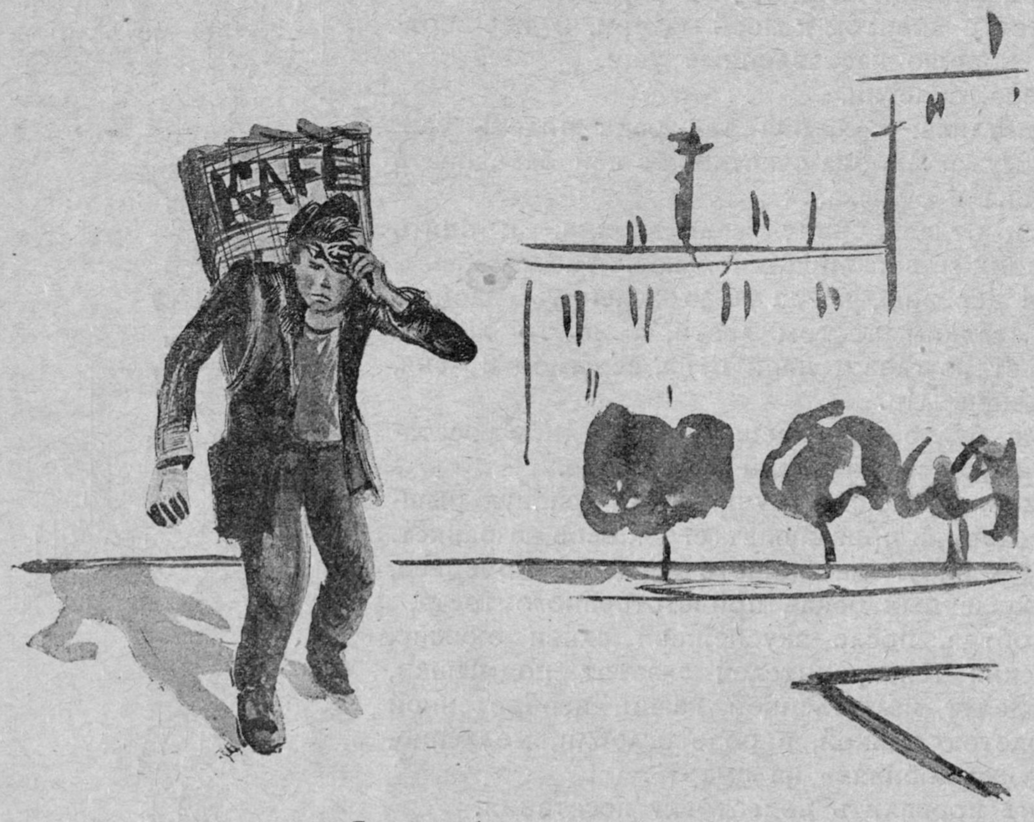
Через полчаса

Вечером

Через полчаса

ИЗ ДНЕВНИКА ШКОЛЬНИКА

Перевод с немецкого М. Грайнер-Гекк
Рисунки художника С. Радомысльского

Я должен был разносить кофе

Тогда отец уже не хочет дольше слушать. Он всегда думает, что мать тратит лишнее, и не хочет знать, что и он делает расходы.

Три публикации в это утро было в газете. Я не пошел в школу и сейчас же отправился по адресам.

Но у „Лакмана и сын“ не хотели ученика. А в аптекарском складе Ганза возиться со всякими ядовитыми вещами было мне не по нутру, Герман Фрезе как-то обжег себе лицо, когда полоскал бутылки из-под кислот.

Наконец, я был принят у Болльман и К°, где я должен был разносить кофе. Каждый день после обеда я должен три часа разносить корзину, но за это я буду получать целых четыре марки в неделю!

Господин Болльман все мне растолковал.

Теперь я сотрудник его учреждения,— говорит он,—и я должен поддерживать его честь.

Он вежливый человек и кланяется мне на улице, точно я взрослый.

Новешенькую коричневую шапку получил, ее я должен надевать при разноске.

„Пейте кофе Болльмана и К°“!—нашито на ней.

Корзина была уже нагружена. Большая ручная корзина с сорока фунтовыми пачками. И книжка при ней, в ней записаны адреса покупателей.

— После каждого покупателя корзина будет на фунт легче,—говорит господин Болльман. Как-будто я слабый и ему нужно меня уговорить!

Но скоро я заметил, что моя корзина все же тяжелее книжной сумки...

И я присел на крылечко кинематографа „Марс“ и стал поджидать Германа Фрезе.

МОЯ ПЕРВАЯ СЛУЖБА

Отец работает теперь только три дня в неделю, а нас шестеро, и мать говорит, что скоро мы сгрызем ей уши с головы. Я поступил на службу.

Это было не так-то легко.

— Сумасбродство!—сказал сперва отец.— Разве у нас уже нет денег?

Он требует, чтоб ему отчитывались в каждой копейке.

Мы уже знаем это. Каждую неделю та же песня. И мы помогаем матери подсчитывать, чтоб она ничего не забыла.

Квартирная плата	6 — м.
Маргарин	2,40 „
Хлеб	2,80 „
Налоги	1,20 „
Мясо	1,60 „
Газ	1,70 „

Дальше нам нечего считать, это было бы больше, чем отец зарабатывает.

Если же счет не сходится и нехватает нескольких марок, тогда я быстро подсказываю:

— Взнос в союз, партийный взнос, в фонд бастующим, на газету.

Он служит курьером в „Марсе“ и после окончания каждого акта картины отвозит на велосипеде ленту в другие отделения „Марса“, что в западной части города.

Маятником зовут его потому, что он все время качается между Марсом I и Марсом II.

— Ты, в своей кофейной шапке!—с‘язвил он, подходя ко мне.

Он важничает, что он уже полгода „маятничает“. И он уже несколько дней носит красную фуражку со звездой.

— Что пристал, Петр?

— Адская жара!—говорю я.

— Жара?—говорит Герман,—это ерунда. Это еще только начало того зноя, что сейчас в Нью-Йорке. Она вскоре будет и у нас. На экране мы ее уже имеем.

Он говорит таким языком, как пишут на плакатах:

— Послушай только—девятьсот тридцать метров. Целые прерии горят от зноя, и стадо буйволов в бешеной жажде несется в одну из индийских долин. Вообрази себе только эту картину. Оба кинематографа каждый день переполнены.

— А как с контрамаркой, Герман?

— После обеда мы не выдаем

Он держит себя так, будто он директор кинематографа. При этом он зарабатывает ровно столько же, как и я, да еще должен подметать контору и зимой топить печи.

Длинные улицы в аристократических кварталах, где я разношу кофе, в конце-концов кажутся мне уже скучными. Надо брать с собой книжку. Чтение и разноску можно великолепно совместить. Герман Фрезе во время своей езды может читать и переворачивать страницы. И еще ни разу не столкнулся.

Может быть, мы могли бы каждый день встречаться у „Марса“ и обмениваться книгами.

Герман дал мне хороший совет, как это устроить. У „Марса“ ничего не выйдет, потому что там всегда ждут, пока он привезет следующий акт, но у Боллькмана и К° это можно наладить. Я не должен слишком горячиться с работой, нечего баловать шефа.

Но так как это была моя первая служба, то я все же нигде не задерживался и через два часа был уже обратно.

— Долго же ты разносишь,—сказал мне господин Болльман.—Разносчик, который хочет зарабатывать 4 марки, должен быть прытким.—Но для начала он доволен. И он налил мне чашку крепкого кофе. Продавцы в его магазине получают такой же.

За мое жалованье я в каждой витрине высматриваю себе что-нибудь другое: прежде всего—сливочный торт, такой большой, как наш кухонный стол, к воскресному кофе и с‘есть его зараз. Затем—пару башмаков для Тео. У него есть только домашние опорки и он бывает босиком. Потом домашнее платье и фартук для матери. И, наконец, двадцать пфеннигов в кассу путешествий, которая хранится в школе у папы Эллингера.

Дело в том, что мы хотим устроить экскурсию в горы, может быть, на Гарц, и я еще ничего не внес.

Сначала я вовсе не хотел ехать, но Клаус Цаппе уговорил меня. Он транжирит деньги, как купец, и изображает из себя аристократа.

— Я уплачу за Петра Штолль!—заорал он на весь класс. И это тогда, когда все знают, что я даже смотреть на него не желаю.

Я сидел, как обнаженный, так все на меня уставились, и вырвался: я вообще не поеду в экскурсию. Мы сами едем туда. У нас в Гарце есть родственники.

Но тут даже папа Эллингер удивился:

— Что, Петр, у вас родственники в Гарце? Это верно заблудившиеся канарейки.

„Можете удивляться,—думал я.—Есть еще поважней вещи, о которых вы не знаете. Я так же мог бы выклянчить эти деньги у матери, как и другие, но я не сделаю этого. Лучше буду врать с потолка!“

И тогда же я решил:

На будущей неделе я ищу себе службу, и недельный взнос будет оплачен. Мои деньги заработаны честно. А Цаппе пусть только посмеет еще раз играть в благодетели!

В субботу я гордо бросил на стол мои четыре марки:

— Отец, это первая победа над капитализмом!

Отец осмотрел меня долгим взглядом, потом просунул руку под мою куртку:

— Смотри, мама, как похудел малыш! Четыре несчастных марки принес он домой, и за них оставил четыре фунта мяса. Из него Болльманы устроят себе лишний праздник. Если и дальше будет так, то через месяц, Петр, ты сможешь лечь сам в свою кофейную корзину.

„МОЛНИЯ“

— Две куртки, протертые разносной корзиной, пара дырявых башмаков и за столом, как выголодавшийся волк,—одну из этих жалоб я слышал дома каждый день.

Нет, так дальше продолжаться не может, надо поискать другой работы, получше.

Фриц Шоттмейер, берлинец, что живет в нашей улице, дал мне хороший совет:

— Поступай в „Молнию“ — это будет дело. И если ты послушаешь меня, то сможешь далеко пойти.

Фрицу Шоттмейер семнадцать лет. Он — упаковщик в конторе поручений „Молния“. Много ли он зарабатывает — я не знаю. Но на улице он выглядит настоящим франтом.

Владелец „Молнии“, господин Шенеман, смерил меня взглядом сверху донизу:

— Что ты, шпингалет, хочешь быть курьером? Ты ведь меньше, чем это разрешает полиция. И наш курьер должен быть быстрым, как молния.

И он пощупал мои мускулы.

Вдруг отозвался Фриц Шоттмейер — он что-то упаковывал в смежной комнате:

— Что касается Петра, господин Шенеман, то это как раз то, что нам нужно.

И вот я сразу же остался здесь и мы сговорились: пять марок в неделю и сверх того обмундирование.

Курьеры „Молнии“ носят форму, она очень хороша. Синие брюки, синяя куртка и на ней два ряда золотых пуговиц. На спине, наискось, нашита желтая молния. Фуражка, похожая на кивер, тоже синяя и тоже с золотой молнией.

Одна шапка стоит недельного жалованья, да еще чаевые! — И он причмокнул языком. Богачем я могу стать у него. По окончании школы я могу совсем остаться у него, если я буду хорошо себя вести.

Между тем ежеминутно раздавались звонки. Господин Шенеман только и делает, что сидит у телефонной трубки, рассказывал мне Фриц уже раньше. Это вся его работа.

Я сразу же получил свою форму и стал вдвое выше.

— Смотри, береги ее, — говорит хозяин. — За каждое пятно 50 пфеннигов штрафу. И всегда итти быстрым шагом, быть расторопным, никогда не останавливаться. Всегда рвать и метать, как молния: этого требует дело.

И назвал мне улицы, вдоль которых я сейчас же должен везти рекламный возок: по Александровской улице до Голубого Грота, потом дальше до площади Зеймеля и опять обратно, три часа.

Фриц указал мне во дворе, где стоят возки, ручной возок, багажная тачка и экипаж. И это они называли обозным парком.

Мой возок с остроконечной деревянной крышей, на ней наклеены яркие плакаты — голая женщина, танцующая на одной ноге.

„Долли Рудольфи танцует в Голубом Гроте!“ — было напечатано на плакате.

Я стеснялся возить по улицам голую женщину и отворачивался, если люди смотрели на картину.

От Александровской улицы до Голубого Грота ровно десять минут. И в час можно съездить как раз три раза туда и обратно. А в три часа это составляет девять поездок туда, девять обратно — восемнадцать раз один и тот же путь. Какая скука!

Но я был только на полпути к Голубому Гроту, когда сделал уже этот подсчет. — „Если б я знал, что и в восемнадцатый раз ни один человек не взглянет на меня, я бы лучше сейчас же вернулся в контору“, — думал я.

У самого Голубого Грота я заметил молодого щеголя, довольно неуклюжего с виду, брюки с заглаженными складками, палка и папиросы, — он показался мне удивительно знакомым.

Ага, так это же Макс Рудольфи, который на Пасху окончил школу.

Так это ее я должен здесь катать, ее, которая звала меня Морской Камбалой, которая размалевывает себе щеки и чем-то обливает себе волосы так, что воняет, как опрокинутый бутыль одеколону? И Макс, который оскорбил мою мать, будет часами смотреть, как я, высунув язык от усталости, пробегаю мимо него, и при этом будет раскуривать свою сигару?

Ни за что!

И в тот же момент, прежде чем он мог меня заметить, я свернул с возком в ближайшую улицу и слева оставил Голубой Грот.

Я прибавил шагу и понесся изо всех сил.

Улицы становились все меньше и теснее, я очутился в районе, в котором никогда раньше не был.

Конечно, я выбрался бы отсюда, и не это меня беспокоило. Но вот что было странно: здесь люди чрезвычайно заинтересовались моим возком. Такой возок с такими яркими картинами им верно редко приходилось видеть. Взрослые останавливались. Дети указывали на меня пальцами и что-то кричали мне вслед. Тогда я помчался, как скаковая лошадь, со своим возком по ухабистой мостовой.

В одной кривой уличке стояла старенькая бабушка, опираясь на мешок с картофелем, который она только что поставила на землю. Я хотел у нее спросить дорогу, но в последний момент передумал, и поехал наугад дальше.

„У Болльмана и К° все же не надо было так торопиться“,— вдруг промелькнуло у меня в мыслях, когда я запыхался и должен был вытереть с лица обильный пот. Надеюсь, не каждый день будет такая гонка.

Через полчаса я понял, что верчусь в кругу. Все еще узкие улицы, косые домишки, тесные переулки. И в одной уличке, на несколько домов дальше, чем в прошлый раз, все еще стояла старушка со своим мешком картофеля и стонала:

— Вот он опять, этот сумасшедший, со своим обезьяньим ящиком!—крикнула она мне вслед.—А ну-ка, остановись!

Тогда я придержал свой возок,

— Гм, красивая же у тебя повозка. Куда же ты с ней бежишь?

— На площадь Земеля, бабушка. Верно ли я еду?

— Ах, мой мальчик, и я тоже иду туда. Знаешь, что? Ты возьмешь мой мешок на повозку, а я покажу тебе дорогу. Твоя розовая мамзель, я думаю, ничего не будет иметь против?

Я помог ей поднять мешок.

— Только не к Голубому Гроту, бабушка, там я уже был.

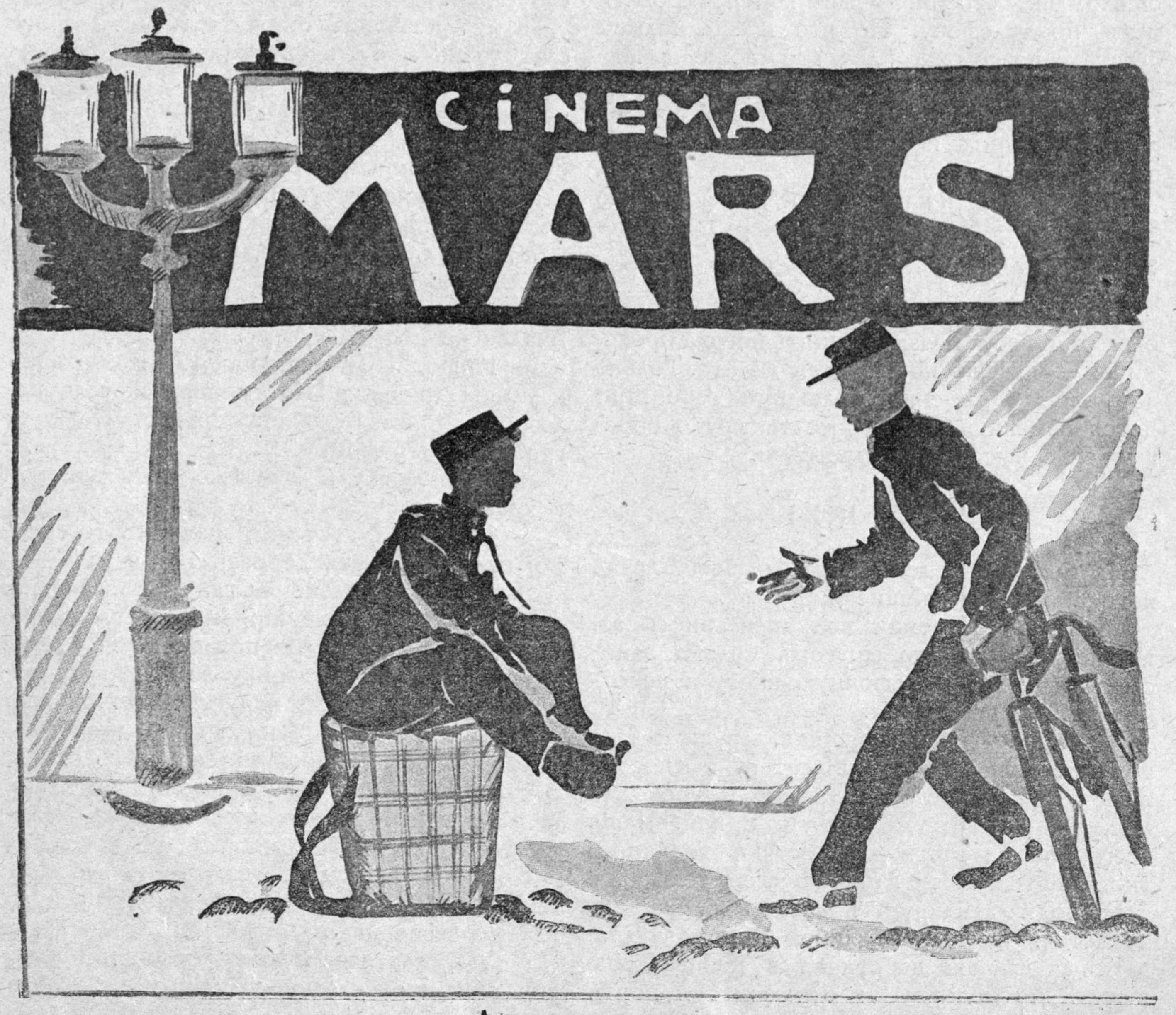
Старуха все время молча шла рядом со мной, и если я сворачивал возок за угол или въезжал в переулок, она открывала рот:

— Сюда, мальчик, осторожно!

Потом она забормотала, разговаривая сама с собой: „Каждый день носи да носи, и ни один человек никогда не поможет“.

Наконец, мы были у ее лавки: она была глубоко в подвале. Старуха скомандовала: прр!.. И заложила руки по бокам.

— Скажи-ка мне, мальчик, ты каждый день возишь эту картину? Фу, какой срам: такая молодая, с такими здоровыми ногами позволяет себя катать, а я, старуха, должна страдать и гнуться над мешками. Завтра в это время ты опять будь здесь, мой мальчик, слышишь?

— Адская жара,—говорю я

И она стащила свой мешок вниз по ступенькам в погреб и оставила меня у возка. А о том, как мне выбраться отсюда, она и не заикнулась.

Когда я выбрался из этих косых переулков, я очутился совсем у другого конца города.

Мои три часа давно уже истекли, когда я въехал во двор Шенемана и поставил на место свой возок.

Фриц Шоттмейер уже собирался уходить.

— Ого, — сказал господин Шенеман, — уже вернулся? Теперь на улице только начинается настоящее движение.

— Алло, вы видели из конторы нашего курьера? Нет? Он не показывался? Ага! Ладно.

И я должен был выслушать нудную проповедь о том, что я либо слышал его указания одним ухом, либо же где-нибудь проволынил это время.

Сначала я ничего на это не сказал: я был ошеломлен, что он может контролировать меня по телефону. Но что я еще должен бегать с возком часа два, это мне не понравилось.

— Мы же условились на три часа и больше этого полиция не разрешает, — сказал я высокомерно и вышел.

— В первый и в последний раз я одеваю эту форму, — сказал я Шоттмейеру при переодевании.

Но Шоттмейер смеялся.

— Что ты, Петер? Где „Молния", там бывает и гром. А завтра опять погода прояснится — можешь положиться на это. Только вот твое обращение с людьми тебе придется изменить. Нельзя же так грубо обращаться с высшими существами.

„УГОЛЬЩИК"

На следующий день и вправду была ясная погода, и в ближайшие дни тоже.

Господин Шенеман пел и насвистывал, а я не делал ничего другого, только записывал адреса в телефонную книгу и исполнял мелкие поручения.

В контору вошла изящная девушка. Она шуршит при каждом движении, как огонь в печке, когда его зажигают; и господин Шенеман сейчас же уходит с ней. Чаще всего они идут в кондитерскую, что напротив, и в это время я заменяю его у телефона.

Господин Шенеман показал мне, как это делается: всегда вежливо и пожалуйста!

Когда звонок забренчал в первый раз, я чуть не вспотел от страха. И я почти ничего не понимал, но все время говорил пожалуйста! и покорнейше благодарю!

Потом позвонил кто-то; это уже было понятно. Колесо соскочило с воза, и чтоб прислали кого-нибудь помочь нагрузить.

Я очень вежливо отвечал: да, господин, и благодарю покорно! и быстро положил трубку.

Но звонок опять бешено затрещал, так, что мне даже не хотелось снимать трубку.

Но я все же взял ее.

„Говорит Малкевич, улица князя Меттерниха. Скажите-ка, Шенеман, нет ли у вас мальчика сгрести уголь?

— Пожалуйста, господин, благодарю покорно за предложение!

Человек продолжал говорить и под конец совсем разволновался, и кричит, чтобы я ответил, да или нет.

Я опять вежливо сказал: „да, да, господин", и быстро повесил трубку.

Потом минут пять было тихо. Я был рад, что, наконец, отвязался от этого чудака с его углем.

Потом позвонил опять тот, у которого слетело колесо. Он спросил совсем грубо:

— Кто у телефона?

— Курьер, конторы „Молния".

— Дьявол, Петер, так это ты? А где старик? — Пришли, Христа ради, сейчас же старого хрыча, пусть поможет. Весь салат лежит на улице и полиция села мне на шею.

Это был Шоттмейер, тот, что рекомендовал меня в контору.

Этого нельзя оставить ждать, и я помчался во двор к кучеру.

— Господин Ягеман, на углу Вокзальной и улицы Арндта у Шоттмейера слетело колесо! Запрягайте экипаж, живо! Полиция грозится штрафом!

Ягеман лежал в экипаже под попоной и храпел.

— Простите, господин Ягеман. Это срочно: каждая минута дорога!

Ягеман же только потянулся, зевнул и спросил, кто это распорядился. Сказал, что я слишком много себе позволяю. И что не мешало бы дать старику хоть минуту отдохнуть. И неужели я думаю, что он даст загнать свою лошадь на всякую дрянь?

А я знал, что лошадь весь день стояла в конюшне, что она вообще старая кляча, и ее загнать нельзя, так как она может плестись только шагом.

Когда я вернулся в контору, господин Шенеман был уже там, держал трубку у уха и раскланивался:

— Да, да, разумеется, господин Малкевич, мой курьер сейчас будет у вас.

Я сразу понял, в чем дело. Этот старый угольный король из улицы князя Меттерниха не может успокоиться. Сначала я должен был снять мою форму с золотыми пуговицами.

— Оттуда ты можешь сразу же в штатском поехать домой,—сказал Шенеман.

„Хорошее дело,—подумал я,—если ему жалко форму, значит меня ждет чистая работа!“

И я не ошибся.

В подвале Малкевича вода доходила мне по щиколотку; при последнем ливне она залила подвал. Я должен был сгрести уголь в одну сторону, выкачать воду и очистить место для огромного ящика с картофелем. И мне было строжайше наказано не подмочить банки с вареньем.

Мои башмаки могли намокнуть. Они сразу же и намокли, и чулки и брюки тоже. Рот же и нос и шея остались сухими; этому помогла угольная пыль, которая при каждом взлете лопаты обволакивала меня всего. Мне хотелось хоть раз глотнуть из одной из многих бутылок с вином, стоящих в углу. И я был голоден: мой желудок ведь думал, что уже шабаш.

По свету я не мог определить времени, потому что здесь было темно, и горел свет.

Когда же я кончил работу и поднялся наверх, я услышал, как часы пробили восемь.

„Эх, дурень,—подумал я про себя,—вот ты опять попался!“

То же сказало мне и зеркало, что висело в передней под вешалкой:

„Ого, совсем как отец, когда возвращался с погрузки“,—и я возгордился.

Потом на пороге комнаты показался мальчик, такого же роста, как и я, он посмотрел на меня будто на нищего:

— Мама, мастеровой!—крикнул он в кухню, потом подошел к телефону и заговорил в трубку. Он делал это так же хорошо, как господин Шенеман. Он разговаривал со своим другом:

— Здесь Манфред Малкевич, Курт дома? Курт, ты должен посмотреть мой новый радиоаппарат... Это тот, никелированный, за восемьдесят марок, что в витрине магазина Эбелинга, знаешь? У меня теперь отдельная комната, и я перевел туда всю мою радиоустановку. Блестяще, скажу я тебе. Что? Сегодня вечером, разумеется, мы в городском парке на велосипедах? А завтра после купанья ты у меня, не правда ли?

Из кухни вышла фрау Малкевич.

Что я так долго делал здесь, хотела она знать. И ощупала мои карманы: ее интересует, не промок ли я,—сказала она.

Но она хотела узнать что-то другое... И я почувствовал, как кровь прилила мне к лицу. У меня нет бутылок в кармане!—хотел я ей сказать, но я во-время остановился.

Телефон был слишком близко. И если я нагрублю „высшему существу“, как говорит Фриц, то это будет стоить моей службы.

И я взял бутерброд и трамвайные деньги от фрау Малкевич и, поблагодарив ее, вышел.

„Мне тоже следовало бы сходить в купальню, где бывают Манфред и Курт, чтобы опять стать белым,—подумал я.—Но туда впускают только чистую публику. А если я выкупаюсь в парке в озере Фей, то эти двое увидят меня и задразнят бродягой“.

Тогда я сел в трамвай и поехал за город, до самого канала. Под мостом я разделся и выкупался. Я не хотел, чтобы дома увидели меня таким черным.

И рубаху и носки я выстирал тут же, чтобы мать не испугалась, когда они попадутся ей при стирке. И так мокрыми опять натянул на себя.

„Хорошо, что у меня нет велосипеда, — подумал я, — так я согреюсь от бега, и рубаха высохнет на теле“.

И отдельной комнаты мне тоже не надо. Если я теперь приду домой, будет так поздно, что мне бы только добраться до каморки и повалиться в постель.

А завтра утром вся эта история с углем будет прощена и забыта.

— Сюда, мальчик, осторожно

ЧТО МЫ РАССКАЗАЛИ ОБ СССР

ОТЧЕТ ИНОСТРАННЫХ ПИОНЕРОВ, БЫВШИХ В СССР, СВОИМ РУССКИМ ТОВАРИЩАМ

К БОРЬБЕ ЗА РАБОЧЕЕ ДЕЛО БУДЬ ГОТОВ! ВСЕГДА ГОТОВ!

Я ВЫСТУПАЛ НА 30 СОБРАНИЯХ

После моего возвращения из СССР я очень много работал. Я выступал приблизительно на 30 собраниях детей, юных товарищей, комсомола и коммунистической партии.

Я говорил о СССР, главным образом, о жизни детей, об их учебе, о пионерских лагерях и отрядах. Я также говорил о молодых и взрослых рабочих СССР, но об них меньше. Все эти митинги происходили в Манчестерском округе, во многих городах которого проводится кампания по отчету нашей делегации. Я написал о нашей поездке книжку, но она еще

АНГЛИЯ
To fight for the workers cause be ready! Always ready!
Ту файт фор ды воркерс кос би реди! Олвайс реди!

не напечатана; об отдельных моментах поездки я писал для Центрального Бюро Союза Юных Товарищей.

В школе также было устроено собрание, на котором я выступал с рассказом о поездке. Мы организовали школьную ячейку и теперь

ФРАНЦИЯ
Soyez prêts à lutter pour la cause ouvrière! Toujours prêts!
Суайе пре а лютте пур ля коз увриер! Тужур пре!

выпускаем первый номер школьной газетки „Красная Заря". Я—редактор газеты и вожатый школьной ячейки. Для нашей газетки я напишу статью о жизни детей в СССР. Мы также начали выпускать две большие стенные газеты и я тоже буду писать в эти газеты о Советской России. Кроме того, у нас было организовано окружное пионерское бюро и там мне тоже приходится работать.

Немцы и французы в перемежку, немцы в шлемах, французы в круглых шапочках

Когда я приехал из СССР, в школе меня встретила целая толпа моих товарищей, они даже вышли встречать меня на угол улицы. Мы пошли в школу и они все расспрашивали меня, как я провел время. Заведующий тоже спросил меня об этом и поздоровался со мной за руку, но больше не сказал мне ничего. В классе я не делал отчета о своей поездке, так как все уроки идут по расписанию и мне бы не позволили устраивать собраний.

Ваш *Эдди Тэрнер*, Манчестер

ЗАВЕДУЮЩИЙ СО МНОЙ НЕ РАЗГОВАРИВАЕТ

После нашего приезда в Англию была организована очень большая демонстрация, но не на улице, а в закрытом помещении. Каждый делегат выступал на этой демонстрации и выбрал себе какую-нибудь одну тему для отчета. Я взял тему о здоровьи русских детей. Это собрание, на котором присутствовали только взрослые, прошло с большим успехом.

После этого были организованы митинги почти во всех частях Лондона. Основным недостатком этих митингов было то, что на них присутствовало очень мало детей, но этот недостаток был устранен тем, что отдельные секции Союза Юных Товарищей также устраивали митинги. Мы устраивали эти митинги, потому что чувствовали, что необходимо, чтобы неорганизованные дети смогли узнать об условиях жизни русских детей и сравнить их со своими условиями.

Я выступал приблизительно на 26 митингах. Все они происходили в закрытых помещениях.

Теперь о том, как меня приняли в школе: когда я вошел утром в класс, никто из учителей и учеников не стал разговаривать со мной об уроках. Заведующий школой не разговаривает со мной до сих пор. В классе я не делал отчета о своей поездке потому, что это не было бы разрешено, но я разговаривал с учениками индивидуально.

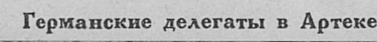
После приезда домой я написал несколько писем в Россию.

Писал статьи в партийную печать: „Жизнь рабочих", „Молодой рабочий" и „Юный товарищ" („Уоркерс Ляйф", „Янг Уоркер", „Янг Комрейд"). Все мои статьи были опубликованы.

Мы, члены делегации, переписываемся друг с другом. Я получил письма почти от всех.

В. А. Беккер, Лондон

Германские делегаты в Артеке

ВСТРЕТИЛИ С ЭНТУЗИАЗМОМ

Когда я приехал из СССР в Монтиньи, мои товарищи, партия, профсоюзы и комсомол устроили грандиозную встречу. Мои родители украсили наш дом, а сестра произнесла очень хорошую речь для того, чтобы поблагодарить толпу, встретившую меня.

Мы все двинулись в зал собраний и там перед набитым залом я рассказал о том, что я видел в Советской России. Невозможно передать вам энтузиазм собравшихся. Мне задавали очень много вопросов и я отвечал на все с успехом. По крайней мере все товарищи из партии поздравляли меня потом.

Это было в моей горняцкой деревне.

Потом выступал в Париже, Галене, Лиле, Дюнберге, Белеме, Вие-Конде, а скоро я буду выступать в Ибонен-Лиетар. Все эти места расположены на севере Франции, но моя поездка еще не закончена и в ближайшее время я надеюсь выступить в гораздо большем числе мест, чем я это делал до сих пор. Повсюду, где я выступал, рабочие очень хорошо относились к моему отчету об СССР.

В школе учителя ждали меня. Во время моей поездки по СССР учителя и учительницы спрашивали моих братьев и сестер, когда я вернусь, потому что им хотелось узнать, что я видел в СССР. Как вы видите, интерес ко мне был велик, так что я был их „любимчиком". Им очень понравились мои рассказы, но они не проронили ни слова. Они только сказали, что это очень хорошо совершить такую прекрасную поездку и что им тоже очень бы хотелось поехать. На это я им ответил, что ездить в СССР просто для развлечения не стоит, лучше им провести свой отпуск здесь. Они улыбнулись и наш разговор был окончен на этом.

Что касается моих товарищей по школе, то они обещали, что запишутся в пионерскую группу, которую я, с помощью товарищей из партии, организовал после моего приезда. В классе я не делал отчета о своей поездке, но я сделал его во время переменки всем школьникам, собравшимся на дворе.

До сих пор я не написал ни одной статьи в газеты, потому что после приезда я все время был очень занят. Надеюсь в ближайшее время написать в газеты.

Дюран Морис,
Монтиньи ан Гоэль

Снизу вверх: „Юный товарищ"—журнал французских пионеров, „Ди Троммель"—Барабан—немецких пионеров, листовка французских ребят. Посередине газеты английских американских и датских пионеров, выше английская газета и французская листовка

РЕЧЬ СЕСТРЫ ПИОНЕРА ДЮРАН—ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В СССР

Товарищи!

От имени моих родителей, слишком старых и слишком взволнованных теперь, я хочу поблагодарить вас за тот прекрасный прием, который вы оказали моему брату, вернувшемуся из СССР.

ЧЕХО-СЛОВАКИЯ
K boji za dêlnickou vêc bud pripraven! Vdjicki pripraven!
К боп за дельничку вец будь приправен! Вджицки приправен!

ШВЕЦИЯ
Till kamp för arbetarkla ssens sak var redo!
Тилль камп фор арбетарклассенс сак вар редо!

Сегодня мой вернувшийся брат расскажет нам о том, как работают в СССР. Он расскажет правду о жизни наших русских товарищей, о народе, который мы считаем самым героическим и самым великим народом, потому что он сумел свергнуть капитализм, угнетавший его, и водрузить на его трупе красное знамя рабочих, потому что он сумел учредить республику трудящихся среди капиталистических стран.

НОРВЕГИЯ
Vaer beredt! Alltid beredt!
Ваер beредт! Аллтид бередт!
Будь готов! Всегда готов!

Мой брат поедет всюду, куда ему укажут партия и комсомол. Мои родители никогда не будут иметь ничего против того, чтобы он поехал рассказывать правду о пролетарской России.

Неважно, что мой брат не оратор, все равно его речи окрашены искренностью, он рассказывает то, что он видел, и рабочие поймут его лучше, чем оратора.

Англичане

Сегодняшняя демонстрация в честь юного пионера больше, чем все речи, показывает, как рабочие любят русскую революцию.

Я должна вам сказать, что мои родители счастливы увидеть своего сына и моего брата, вернувшегося после такой продолжительной поездки. Но во время его пребывания в России они не горевали. Без него было пусто дома, но мы почти не замечали этой пустоты, потому что мы все время говорили о нем, о его прекрасной поездке по первой пролетарской республике и мы завидовали ему, несмотря на предупреждения и предостережения тех, которые верили распространяемой неправде. Мои родители, мои братья и сестры и все мы смеялись над глупыми утверждениями тех, которые верили буржуазным газетам.

Русские и немцы говорят на шахматном языке

ПИОНЕРЫ В ПОДПОЛЬИ

(Письмо из Варшавы)

ПОЛЬША

Do walki za sprawę robotniczą, bądz gotow! Zawsze gotow!
До вальки за справен работничон бондзь готув! Завше готув!
К борьбе за рабочее дело будь готов! Всегда готов!

Условия работы пионеров в Польше очень тяжелые. Прежде всего трудно работать потому, что пионерская организация в Польше является нелегальной и пионерские группы преследуются полицией наравне с коммунистическими и комсомольскими ячейками. Пионеры нередко подвергаются аресту и даже побоям со стороны польской охранки.

Каждое собрание пионерского кружка должно происходить подпольно и пионерская работа не может развернуться так широко.

Большая семья рабочего в Германии ютится в сыром тесном подвале

Другая трудность работы состоит в том, что польские пионеры не имеют необходимых для своей работы помещений и клубов и что они не в состоянии издавать своей печатной газетки.

Собрания устраиваются в частных квартирах. При этом хозяин квартиры всегда находится под угрозой тюрьмы.

Пионерская газетка „Пионер" издается на гектографе и является нелегальной. Все издания пионеров—газетки, летучки и т. п.—полиция конфискует, а за их распространение пионеры арестовываются.

Все это очень препятствует и замедляет работу. Но польские пионеры не падают духом. Они знают, от фашистской власти в Польше нельзя ожидать ничего другого.

Еще в половине 1926 года пионерские группы в Польше были немногочисленны и связь между ними была очень слабая. Но благодаря усилиям комсомола, в сентябре 1926 г. состоялась первая конференция пионерских кружков гор. Варшавы (столицы Польши).

Конференция выработала устав, по которому должны быть организованы пионеры, определила задачи пионерской организации, указала, какое должно быть содержание работы и руководство комсомола.

Это дало толчок к быстрому развитию пионерской организации в Варшаве и в других городах. В сентябре 1926 года, в Варшаве было организовано 100 пионеров, сейчас их уже более 600, а по всей Польше около 2.500.

Польские пионеры ведут тоже массовую работу среди детей и борьбу за бесплатную школу на родном языке. Пионерам и детям Советского Союза может быть не совсем понятно, почему польские пионеры должны проводить такую кампанию.

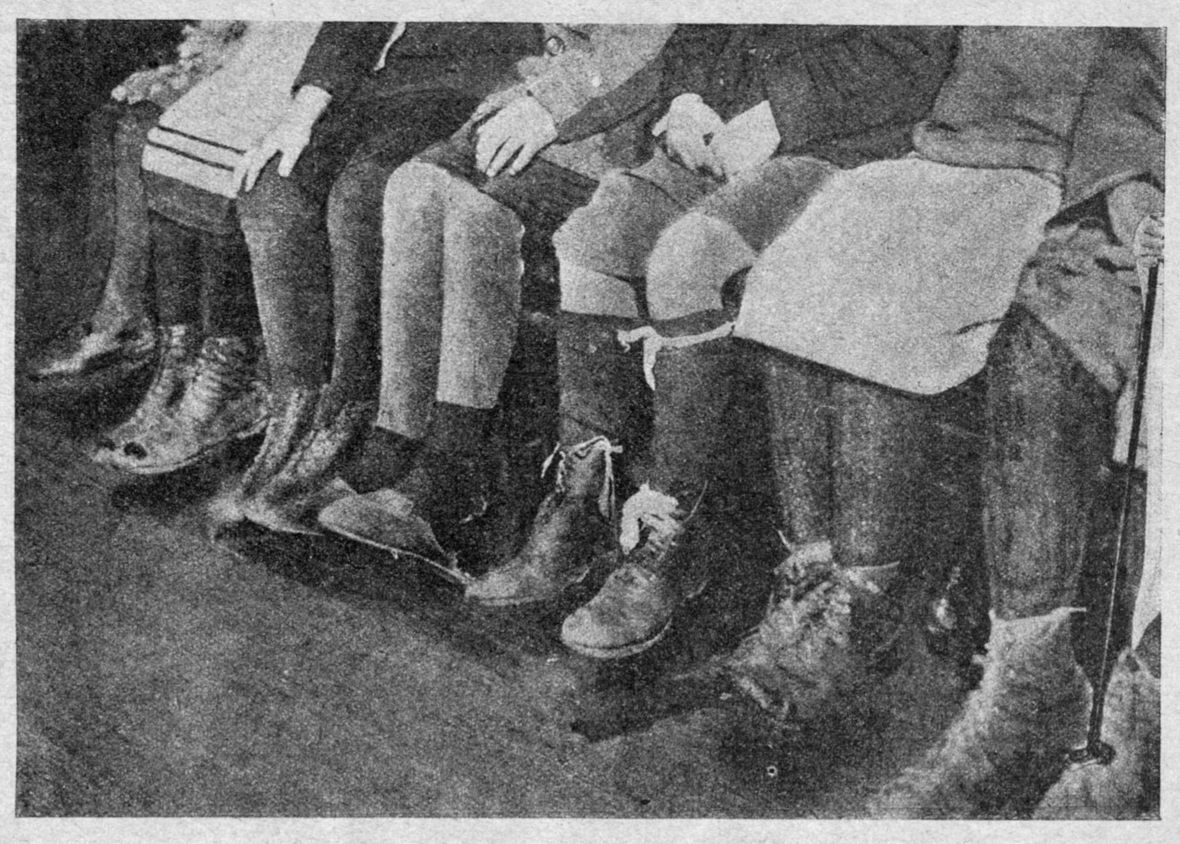
Дело в том, что хотя в Польше и существуют т. н. государственные, бесплатные школы, но в них почти ничему не учат. В другие школы, где кое-чему можно научиться, там детей рабочих и крестьян нет, потому что за учение в них нужно платить.

Кроме того, обязательным предметом во всех школах является религия. Дети должны обязательно ходить в костел (польская церковь) вместе с учителем. Если ученик плохо учится закону божьему или

не ходит в костел, его исключают и не принимают ни в какое другое училище.

Не в пример тому, как это мы видим в СССР, где дети всех национальностей учатся в школах на своем родном языке, в Польше все украинские, белорусские и еврейские дети учатся в государственных школах только на польском языке, а учение на родном языке запрещено.

Польская буржуазия, давая детям рабочих и крестьян самое незначительное количество полезных знаний, стремится их воспитать как несознательных рабов, которые боятся бога да ада, которые никогда не будут бороться за освобождение рабочего класса и угнетаемых польской буржуазией национальностей.

Ноги немецких школьников сами за себя говорят

С этими стремлениями польской буржуазии борется коммунистическая партия Польши и польский комсомол. В этой борьбе принимают постоянно активное участие и польские пионеры. Они выпускают свою газетку и свои летучки, в которых призывают не ходить в церковь и требовать преподавания на родном языке. Пионерами было устроено много тайных и открытых собраний детей. На этих собраниях ребята принимают резолюции, которые пересылаются учительским советом и печатаются в газетах.

Чтобы охватить возможно шире школьников, пионерами организовывались школьные советы.

Результатом этой кампании было несколько школьных забастовок, особенно в Западной Белоруссии и в г. Вильно.

Пионеры, под руководством Комсомола, ведут также борьбу против эксплоатации детского труда. Детский труд в Польше очень распространен. В одной лишь Варшаве в кожевенной промышленности работает 3.000 детей в возрасте до 17 лет.

При этом они подвергаются бесчеловечной эксплоатации. Работая 10—12, а то и больше часов в сутки, они в течение первого года, а часто и второго ничего за свой труд не получают.

Они работают „за науку“, но они ничему не учатся, так как должны выполнять хозяевам и мастерам разные домашние работы.

Дети, которые работают уже несколько лет, получают жалованье в размере 10—12 копеек в день.

Против этой эксплоатации детей выступил комсомол и пионеры. Они требуют запрещения детского труда до 16 лет.

Во многих забастовках, особенно в мелкой промышленности, ребята в возрасте 14—15 лет принимают активное участие. Пионеры организуют теперь свои кружки на тех фабрикзх и мастерских, где имеется большое количество работающих детей, чтобы лучше бороться за их интересы.

Пионеры принимают тоже деятельное участие во всех кампаниях и уличных демонстрациях комсомола.

Во время МЮД‘а в 1927 году и 10 годовщины Октябрьской революции пионерские кружки устроили во всей Польше ряд собраний и вечеринок. Например, в Варшаве пионеры собственными силами сорганизовали хор и поставили детскую пьесу в театре.

Во время разных избирательных кампаний в больничные кассы и в городские самоуправления пионеры помогают в распространении летучек и номерков для голосования. Несмотря на то, что они иногда усиленно преследуются полицейскими, они исполняют эту работу с большим энтузиазмом и самоотвержением.

В настоящий момент в польских тюрьмах сидят 10 пионеров. Однако, польские пионеры не пугаются буржуазного террора и будут все больше укреплять свою организацию и все более широкие массы рабочих и крестьянских детей об'единять под своими знаменами.

Юзек (Варшава)

ГЕРМАНИЯ

Es lebe der Jung Spartakus Bund!

Эс лебе дер юнг спартакус бунд!

Да здравствует Союз Юных Спартаковцев!

Приветствие союза „Красных Фронтовиков Германии“. Правая рука с сжатым кулаком три раза поднимается до уровня лба и каждый раз громко произносится „Rot Front“ — Рот фронт — Красный фронт. Кулак поднимается в знак того, что придет время и буржуазия отведает пролетарского кулака.

ПИОНЕРЫ СТРАНЫ КАКТУСОВ И СОЛНЦА

Очерк Н. ШАМЕТ

Сметай с горбов толстопузых обузу,
Ацтек, креол и метис;
Скорей над мексиканским арбузом [1],
Багровое знамя, взметнись

В. Маяковский

Мексика—это очень далеко от СССР. Она рядом с Соединенными Штатами Северной Америки. Чтобы попасть в Мексику, надо ехать несколько дней поездом, проехать штук пять границ разных государств и, наконец, добраться до Гамбурга. Но это еще не все. Из этого немецкого порта уже на большом океанском пароходе-городе придется плыть дней 8—10 по океану. Лет пять тому назад один пароход даже установил рекорд—проплыл от Европы до Америки в 4 дня, 23 часа и 32 минуты. У него едва не взорвались котлы и несколько тысяч пассажиров могли отправиться на тинистое океанское дно—зато был поставлен рекорд.

Впрочем, те путешественники, которые не любят быстрой езды, могут сесть на парусник и до Мексики добраться месяцев через пять-шесть. Почти столько же времени плыл до Америки 400 лет назад Христофор Колумб.

По правде говоря, наши ребята знают о Мексике очень мало. Живут там мексиканцы и индейцы (потомки ацтеков), ходят они в пестрых серапе (плащах) или пончо (одеялах с вырезом посредине), носят шляпы с широкими полями и высочайшей тульей и из-за каждого пустяка стреляют друг в друга. Потом в Мексике очень жарко и растут кактусы, разрезав которые, можно достать воды. Вот и все. Еще, пожалуй, некоторые слышали, что Мексика очень богата нефтью и только год тому назад уступила СССР второе место в мире по количеству добываемой нефти.

Вот еще два сведения о Мексике. Она—республика, и управляет ею президент, называющий себя социалистом. Это нисколько не мешает ему посылать войска, чтобы расстреливать бастующих рабочих нефтяных полей и рудников и свирепо усмирять восстающих батраков-полурабов (пеонов) на плантациях помещиков. Когда

[1] Арбузом называется мексиканское знамя. Однажды отряд повстанцев, пожирая арбуз, думал о своем знамени: „Сделаем знаменем арбуз“—решил отряд. И с тех пор знамя Мексики: зеленое, белое, красное—корка, прослойка и сердцевина арбуза. Ацтеки, индейцы—потомки древних обитателей Мексики, креолы и метисы—люди, произошедшие от браков между белыми и индейцами.

МЕКСИКА

Viva los Pioneras Rojos де Mexico!
Вива лос Пионерос рожос дэ Мексико!
Да здравствуют „Красные Пионеры Мексики"!

это ему нужно, президент бросает десятки коммунистов в тюрьмы или высылает на безлюдные острова.

Вся Мексика разделяется на несколько штатов (губерний) и столицей ее является город Мексико-Сити.

„Пионер" хочет познакомить своих читателей еще с одной неизвестной им достопримечательностью Мексики—с хорошей пионерской организацией.

„Красные пионеры Мексики" очень молоды, им всего два года. Но, несмотря на свою молодость, красные пионеры умеют шагать в ногу со своими старшими товарищами в боевых шеренгах комсомола и партии.

В начале 1927 г. красные пионеры имели всего 14 крепких отрядов с 1000 пионеров и, кроме того, много плохих отрядов. Так, в округе Бунде в пионеры записалось 300 ребят, но на деле работало всего сто пионеров, потому что остальные жили очень далеко от места сборов.

Сколько теперь там отрядов и пионеров, трудно сказать—очень бурно растет пионерская организация. А чтобы вести из Мексики дошли до нас—нужно много времени.

В последнее время пионеры усиленно организовывают в отряды крестьянских детей и достигли в этом больших успехов. Так как в Мексике очень сильны крестьянские союзы, то пионеры используют их для организации ребят.

Вот интересный пример.

20 сентября 1927 г. в столице штата (губернии) Тамолипас, г. Виктории, торжественно открывается 2-я конференция „Лиги Аграрных Коммун Тамолипаса". Таким непонятным названием называется в Мексике союз крестьян. В президиуме с'езда сидит тринадцатилетний красный пионер—Венустиане Гвера, а рядом с ним восседает в блестящем мундире сам... губернатор штата, до поры до времени именующий себя социалистом. О том, что было дальше, предоставим лучше слово самому т. Гвера.

„Когда я явился на заседание, то с большим удивлением увидел среди президиума губернатора штата Эмилио Джиль. Мое место было около него. Джиль заговорил со мной. Я подробно ему рассказал о целях и задачах нашей организации. Потом он спросил меня—не хочу ли я взять слово. Конечно, я воспользовался его предложением.

Я доказывал т.т. делегатам необходимость революционной организации крестьян, необходимость смычки ее с рабочими для создания единого фронта.

Этот единый фронт предохранит нас от такого постыдного случая, который был недавно, когда штрейкбрехеры предали забастовку наших товарищей—железнодорожников.

Это произвело большое впечатление на делегатов конференции, как мне потом говорили товарищи, разговаривавшие с делегатами. Большинство делегатов беседовали со мной, приглашали меня посетить общину (волость), в которой они живут, они уверяли, что если я приеду, то они немедленно соберут своих сыновей, чтобы организовать их в красных пионеров. Я отвечал на эти предложения, благодаря от имени нашей организации. Я сказал, что если хватит средств, то посещу их деревни. Однако, я просил, чтобы тотчас по приезде в деревню каждый из них принял все меры для организации местных секций пионеров и известил меня об этом.

El Niño Luchador
México, D. F. Marzo-Abril de 1927
LOS OBREROS RUSOS Y LOS CAMPESINOS MEXICANOS AYUDAN A NUESTRA HUELGA
EL PRIMER GOBIERNO DE LOS TRABAJADORES
LA COMUNA DE PARIS
KI KI KI KI

„Эль Нино Люкадор" (Революционный ребенок) журнал мексиканских пионеров

Несколько делегатов обещали мне это сделать.

Когда я кончил речь, слово взял Джиль. Он расхваливал нашу международную организацию, говорил, что мы сыграем очень важную роль в будущем развитии Мексики и предлагал мне всяческую помощь. Он даже предложил мне поехать с ним при первой его поездке по штату для организации пионеров".

АРГЕНТИНА

Viva los Agrupaciones Infantiles Comunistas!
Вива лос агрупационес инфантилес комунистас!
Да здравствуют детские коммунистические группы!

При работе в деревнях ребятам приходится преодолевать большие трудности. Крестьяне глухих уголков Мексики почти так же отстали, как у нас крестьяне на Востоке. Благодаря предрассудкам крестьян очень трудно привлечь девочек в пионер-отряд. Для девочек приходится органнизовывать отдельные отряды. Только в горном штате Жалиско в отряде много девочек. В других же группах почти одни мальчики. Редко можно найти такую смелую девочку, которая бы работала в одном отряде с мальчиками.

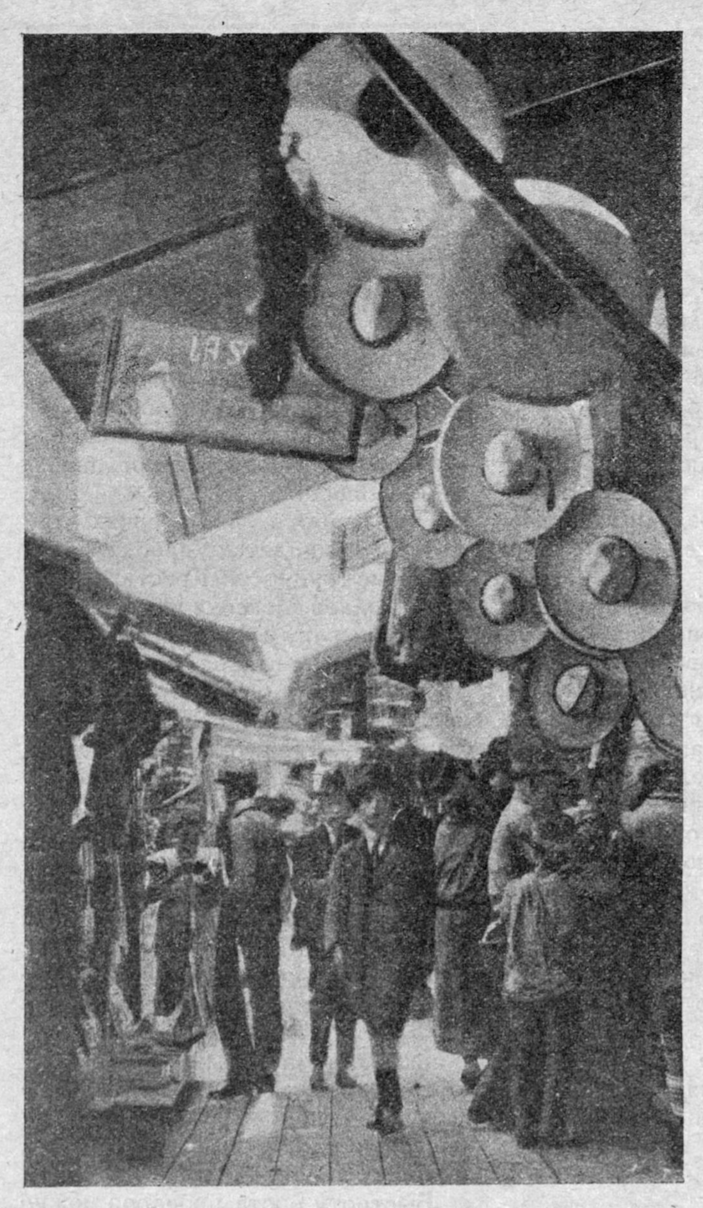
Очень хорошие отряды пионеров имеются в Тампико, центре добычи нефти в Мексике, и в Жалиско, где много шахт.

Сейчас пионерские отряды организуются почти во всех штатах Мексики: в Коагуйла, Дисморелос, Мексико и др.

Быстроту роста пионеров можно видеть из одного того, что только в конце 1927 г. было организовано пять новых отрядов в Мексико-Сити и много новых групп в деревнях и копях. Группа из 18 ребят возникла в Эль-Сато, организованы были группы в Лос-Тукстлас, Эстадо де Варзенуц и др. местах.

С января 1927 г. красные пионеры начали выпускать свой журнал „Эль Нино Люкадор" (Революционный ребенок). Выходит он на четырех страницах. В нем помещаются рассказы и заметки самих ребят. Распространяется он самими ребятами. Так, в маленьком штате Дисморелос, хотя там нет ни одного коммуниста и комсомольца, почти во всех деревнях, не говоря уже о городах, читают „Эль Нино Люкадор". В штате Куситла распространяется 500 экземпляров этого журнала.

Не забывают мексиканские пионеры и об интернациональной связи. Рядом с Мексикой в средней

Улица в городе Мексико-Сити

Америке находится небольшая республика Сальвадор. Мексиканские пионеры организовали несколько пионерских групп и ежемесячно посылают в пять штатов этой республики 300 экз. „Эль Нино Люкадор“.

Могучий сосед Мексики—Соединенные Штаты Сев. Америки—с большим удовольствием готовы проглотить Мексику с ее нефтяными богатствами. И как только мексиканское правительство чем-либо не угодит хозяевам мексиканских нефтяных полей—американским миллионерам—у берегов Мексики появляется грозный американский флот,—и она покорно склоняет шею перед соседом-великаном.

И вот пионеры Мексики написали письмо пионерам Америки:

„В то время как мексиканские рабочие и крестьяне борятся против больших американских нефтяных и горных компаний, нам необходимо укрепить настоящую братскую связь с детьми американских рабочих. Многие мексиканские дети думают, что все американцы — их враги. Это потому, что они не знают, что рабочие Соединенных Штатов и их дети также борятся и эксплоатируются. Переписка между нашими и вашими группами есть один из способов рассказать детям рабочих классовую правду и направить их на верную дорогу.

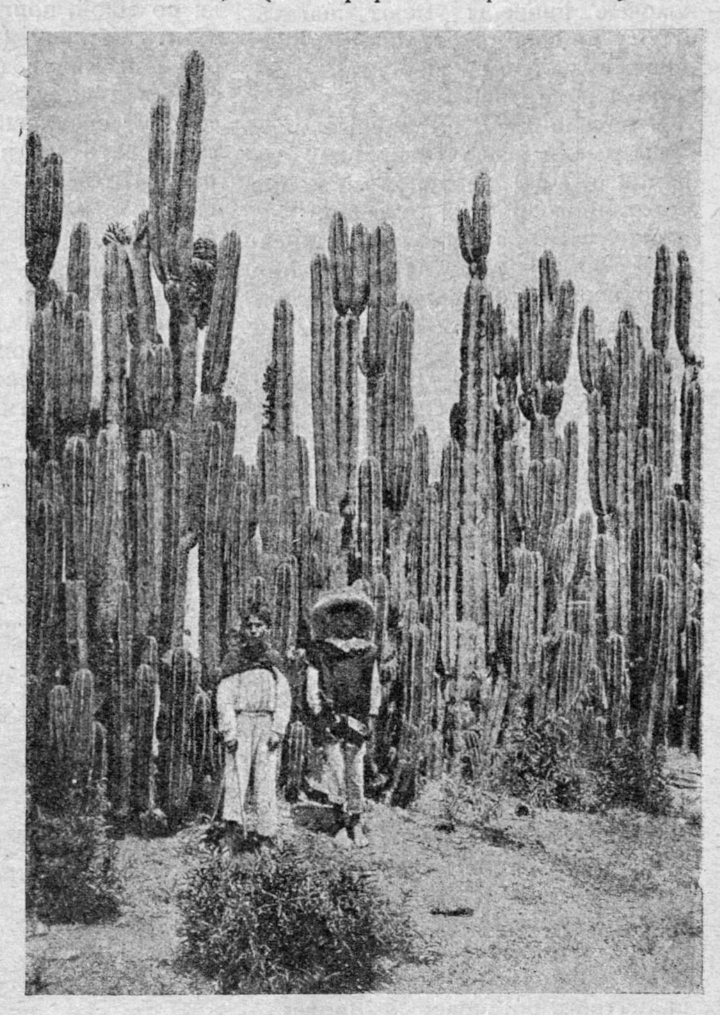
Мы имеем много групп горняцких детей и детей горнорабочих в штате Жалиско. Эти товарищи теперь принимают участие в жестокой борьбе с хозяевами-американцами и очень хотят переписываться с американскими пионерами. Эти пионеры очень активно участвуют в стачечном движении.

Также многие пионерские группы среди крестьян будут счастливы переписываться с подобными группами в Соединенных Штатах.

С братским приветом от мексиканских товарищей—Красные Пионеры Мексики“.

Своей работой наши далекие мексиканские товарищи приближают тот день, о котором, убитый правительственными наемниками, коммунист Морено написал русским рабочим и крестьянам:

„Будет день, когда за вашим маузером загремит и наше „33“ (калибр револьвера Кольта)“.

Заросли кактусов

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

中國劳働童子軍萬歲！

Чжун-го лао-дын тун-цзы-цзюн вань-с уй!
Да здравствуют китайские пионер ы!

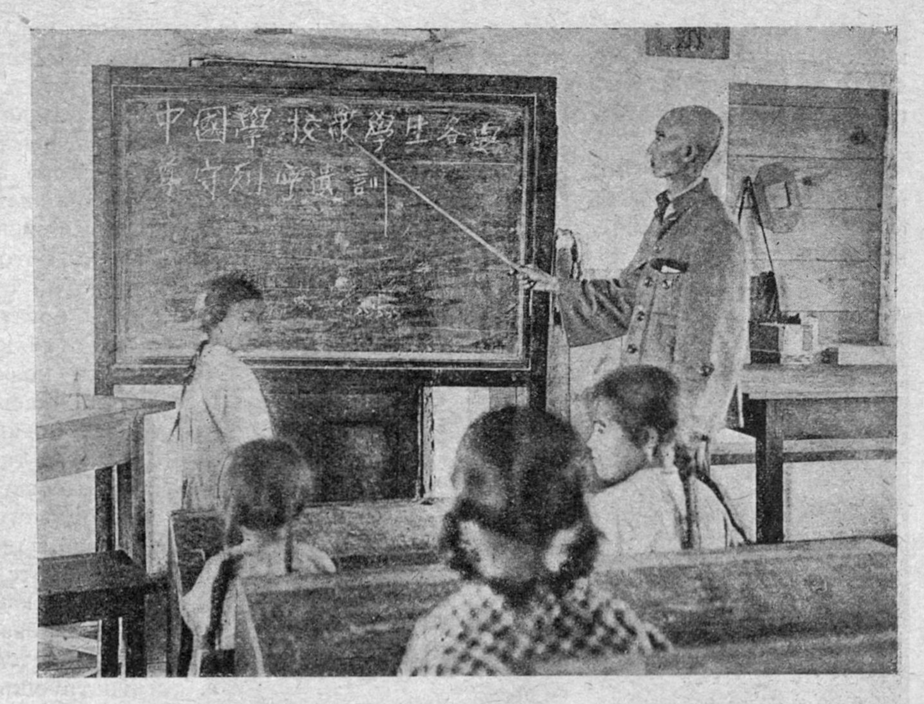
Мы вышли за пределы европейской части города Благовещенска. Начались узенькие, грязные переулки китайской слободки. Серые, низкие фанзы (дома) так плотно прилепились одна к другой, что трудно разобрать, где кончается один двор и начинается другой.

Вокруг редко встретишь русского. Китайцы усердно месят грязь переулков, громко и быстро перекликаются гортанными голосами, шумно работают в маленьких клетушках-мастерских, равнодушно поглядывая на проходящих русских.

— Ну вот, пришли...

Мы остановились возле двухэтажного дома. Наверху его вывеска с иероглифами и надписью на русском языке.

„Китайская начальная школа и красный уголок“.

На уроке китайской грамоты

По убогой лестничке взошли наверх в просторную комнату.

Парты. Школьная доска. Впереди на стене большой портрет Сун-Ят-сена, а вокруг китайские картины с причудливыми, фантастическими рисунками птиц, зверей и не менее фантастическими людьми с небывало-длинными бородами. Вот все убранство помещения.

Школа работает с мая 1927 года. В ней сейчас занимаются сорок китайских детей в возрасте от 6 до 13 лет.

В Дальне-Восточном крае впервые открыта такая школа. Она дает начальное образование китайским детям, живущим в СССР.

Водя рукой по черным колонкам иероглифов, похожих на замысловатые кляксы, сделанные тушью, учитель разъясняет нам:

— Моя мало-мало по-русски говори...

В школе учат русскую и китайскую грамоты, арифметику и т. д.

Черные детские головки склонились над партами. Ученики усердно растирают тушь и кисточками выводят „кляксы“.

После двенадцати будет часовой перерыв, и ребята опять придут заниматься на часок, а затем с учителем устроят прогулку в сад.

Все школьники — дети бедных китайцев — учатся бесплатно. Учатся они хорошо — лентяев нет.

Вот посмотрите, с каким усердием работает черноволосый мальчуган. Он таращит свои раскосые щелочки-глазенки на иероглифы, изображенные мелом на доске, и прилежно перерисовывает их в тетрадку. Лишний хвостик или точечка — и иероглиф будет обозначать совершенно другое слово. Этот маленький школяр — молодец. В школе он пробыл месяца четыре, а уже заучил две сотни знаков, умеет считать, писать и знает всю русскую азбуку.

Есть также в школе несколько детей смешанной национальности.

— Мать у меня русская, а отец — китаец, — серьезно говорит мальчик. — Папу зовут Чжао Чуан-мин. От хочет, чтобы я знал китайский язык.

— А русский язык кто у вас преподает?

— Я, — отвечает учитель на ломаном языке, — пока я, но скоро у нас будет хороший учитель...

Днем в школе идут занятия, а вечером сюда собираются взрослые китайские рабочие.

Читают газеты на родном языке, слушают лекции, смотрят кино-картины и отдыхают в своем красном уголке после трудового дня.

Этот уголок словно оазис среди серой, некультурной „пустыни“ китайской слободки, где невежество, суеверие и духовная темнота гнездятся в низеньких тесных фанзах.

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О МАКСИМЕ ГОРЬКОМ

Очерк Е. Адамович

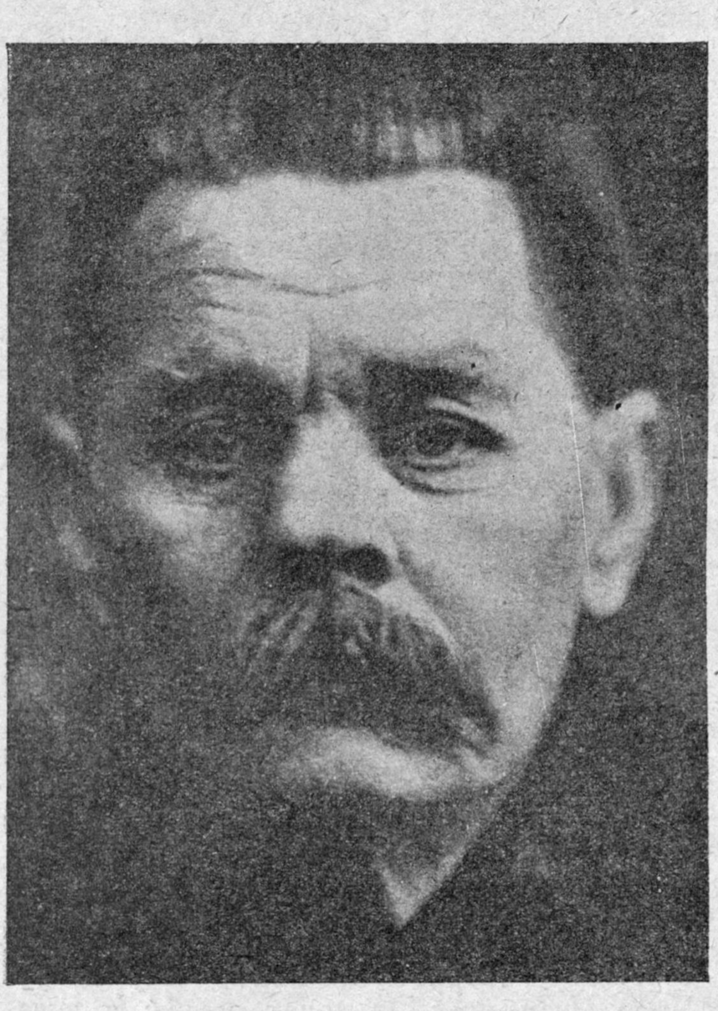
Если вы перечитали почти все книжки в детской библиотеке—значит, вам пора прочесть что-нибудь из рассказов Максима Горького.

А почему?

А вот, чтобы на это ответить, придется основательно поговорить о Максиме Горьком. Я думаю, что вы о нем слышали, да и видели его портрет, знаете, что он живет в Италии, на острове Капри. И я не буду вам рассказывать его жизнь. А вот, как вы думаете, почему его зовут Горьким? Ведь это не его фамилия (его зовут Алексей Пешков). Так он подписал свой первый рассказ и с тех пор его так и зовут Максим (это имя его отца, которого он очень любил) Горький.

А почему?

А я и сам не знаю. Я с Максимом Горьким незнакома и не могла его спросить. Но я думаю, это потому, что он прожил горькую молодость среди горемычных людей, видел много горечи в жизни и самому ему было горько, когда он впервые подписался этим именем под первым своим рассказом.

Один из последних портретов Максима Горького

А знаете, какой это рассказ? „Макар Чудра", про старого цыгана, такого крепкого, смелого и гордого, какими хорошо бы вам всем стать. Про вольную жизнь в степях. Про девушку-цыганку, которая ногой от себя богатство оттолкнула и ножа не побоялась, когда полюбила. Это такой рассказ, что когда его читаешь, щеки становятся румяные, как от мороза, сердце бьется и чувствуешь, что хорошо смелым жить на свете.

А ведь Горький был босяк, когда он писал „Макара". Он голодал и дома у него не было, не было даже угла. Он эти степи, про которые пишет, прошел пешком с избитыми ногами и почти без хлеба. И у него уже начиналась чахотка. И все-таки—ни один другой писатель так бодро, так радостно, так на зависть красочно не писал про жизнь, никто так не верил в людей—настоящих, сильных, как Горький. И никто так нас не учит любить жизнь, как Горький своими рассказами.

А вот возьмите другую его книгу, написанную много лет спустя. Он был уже немолод, был болен, измучен, его выгнали из России за революционную работу. Он поселился в чужой стране, в Италии. И он написал книжку коротких рассказов, которая называется „Итальянские сказки". Это не сказки—в них нет ни ведьм, ни русалок, ни ковров-самолетов. Горький их так назвал потому, что в жизни он умел видеть красивое, радостное—то, о чем другие рассказывали только в сказках.

Он там пишет про итальянских рыбаков, рудокопов, крестьян. Он пишет правду, но эту правду надо еще уметь увидать, а ее не всякий увидит. Другой бы увидал только, что все эти люди грязные, потные, усталые, сердитые, пожалуй,—ну и написал бы про все это. А какая радость про это читать? Кому это нужно? А вот Горький рассказ написал про то, как забастовали в городе Неаполе трамвайщики и как, когда вместо них попробовали пустить трамваи солдаты, забастовщики все полегли поперек рельс.

Это совсем не интересно, пожалуй, выходит, как я об этом пишу, а вот вы прочтите сами эту „сказку" и вы почувствуете, как у вас сердце заколотится в груди и вам захочется вскочить и самому бежать туда и тоже лечь поперек рельс, под самыми колесами трамвая, и кричать вместе с итальянцами „Эввива ла либерта.—Да здравствует свобода"!

А чудесная „сказка" про то, как рабочие туннель с двух сторон под горой рыли, и в середине встретились? Эту уж совсем не расскажешь, а надо прочесть ее, как она у Горького написана.

Слова у него удивительные—яркие такие и в память врезаются—не забудешь: и просто как-будто сказано, а другой так сказать не додумается. Вот, возьмите два его больших стихотворения в прозе „Песня о соколе" и „Буревестник". Попробуйте выучить наизусть какое-нибудь из них и потом прочесть вслух на вечере в школе или в клубе или просто к случаю в отряде. Тогда почувствуете, какие у Горького крепкие и звонкие слова. Сталь!

А еще—прочтите хорошую книжку „Жизнь и приключения Максима Горького". Ее написал Груздев, но он только собрал в ней главы из воспоминаний Горького о своем детстве и юности. Из нее вы узнаете, какую он тяжелую школу в детстве прошел — школу жизни. Как он книжки любил и как трудно они ему доставались, совсем не так, как вам. Как он начал писать, как бунт впервые поднял в пекарне, как бродяжил.

Прочтете—полюбите Горького—я знаю.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И МАЛЕНЬКИЙ ДЕТСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Очерк А. РАДЧЕНКО

В городе Баку, где добывают нефть и перерабатывают ее в керосин, когда-то (в 1907—10 г.) была маленькая начальная школа, в которой учились дети разных наций (народов): армяне, грузины, греки, татары, турки, евреи, украинцы, поляки, немцы, англичане и очень немного русских. Дома дети все говорили на своих языках, а в школе—на русском, который они все знали, кто лучше, кто хуже, кто совсем плохо.

Вам, наверное, кажется странной и непривычной такая школа?

А наши дети очень гордились своим Интернационалом. Они мечтали о том, чтобы к ним поступили еще негритенок, китайченок и индеец. А в день Рабочего Интернационала—1 мая—они нарядились в костюмы народов всего мира, которые они при помощи учительниц и матерей наскоро смастерили из разного старья, и пели трудовые песни разных народов и песни весны, и песни борьбы.

В то время взрослые люди в их городе, пришлые из деревень рабочие, ремесленники и торговцы,— армяне, татары и персы—очень недружно жили между собой, даже убивали друг друга Они тогда еще были очень темны и безграмотны и не понимали друг друга, не имея общего языка. Их натравливало друг на друга царское правительство и собственные богачи.

Маленький детский Интернационал в своей школе жил очень мирно и дружно. Там были дети и служащих и рабочих, и простых дворников и сторожей, дети сознательных и несознательных родителей. Все они вместе учились, мастерили, играли и гуляли.

Раз им вздумалось поставить платный спектакль, чтобы на вырученные деньги купить своим далеким маленьким друзьям цветных карандашей и других пособий. Многим из ребят родители охотно дали бы деньги на это хорошее дело, но им хотелось обязательно самим их заработать. Их спектакль им дал целых 15 рублей дохода.

В это время, в начале 1909 г., за несколько тысяч километров от Баку, в чудном южном городе Мессине, где живут итальянцы, случилось ужасное несчастие — землетрясение. Земля тряслась так, что рушились дома, которые похоронили под собой множество людей. В земле образовались щели, куда проваливались люди...

Бакинские дети, когда узнали об этом несчастии, то решили свои деньги послать мессинцам.

— Что же, у балаханских детей нет только цветных карандашей и игрушек, а у мессинских детей теперь даже нет дома, а может и родителей!

И пошла с тех пор целая переписка между маленькими бакинцами и знаменитым писателем Горьким, который в то время жил недалеко от Мессины и много помогал ее несчастным жителям. Ребята ему послали деньги, письмо и свою карточку, а он в ответ нашим бакинским детям написал такое хорошее пожелание:

„Дорогие дети!

Я получил собранные вами деньги для мессинцев и сердечно благодарю вас за всех, кому вы помогли. От души желаю для вас, хорошие маленькие люди, будьте всю жизнь так же чутки и отзывчивы к чужому горю, как были вы в этом случае. Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни—чувствовать себя нужным и близким людям. Это—правда, не забывайте ее, и она даст вам неизмеримое счастье. Вас 12. На память об Италии, прекрасной стране, которую я желаю вам увидеть когда-либо, посылаю вам дюжину открыток. Будьте здоровы, любите друг друга и—побольше делайте шалостей,—когда будете старичками и старушками—станете с веселым смехом вспоминать о шалостях. Крепко жму ваши лапки, да будут они честны и сильны по все дни жизни вашей...

М. Горький

(На обороте). Могу ли напечатать ваш снимок в итальянских газетах? Сообщите мне это.

А. П.“[1]

Ребята, вне себя от радости тут же стали ему писать ответные письма.

Уже летом, во время каникул, было получено второе письмо от Горького, и вместе с ним целая коллекция подарков для детей — прелестных итальянских кустарных изделий.

[1] Алексей Пешков, настоящее имя писателя.

Очень редкий портрет Горького. Таким он был в 1910 г.

Вот это письмо:

„Джеффри, Лизе, Вите, Эльзе, Феде, Диме, Лене, Мери, Меме, Шуре, Ирене, Павлу, Норе, Феде, Боре, Гюнту—привет.

Поздравляю с хорошим праздником [2], желаю вам веселиться до упада!

Мне хотелось напомнить вам, хорошие человечки, о себе, и вот я придумал послать девочкам— рамки, а мальчикам—коробки из дерева, работы здешних крестьян.

Если эти штуки понравятся вам—я буду рад, а если вы мне еще раз напишите письмишко— так это уж будет праздник для меня.

На рамках и коробках я сделал надписи кому какую. Но, вероятно, я сделал это плохо и вы не обращайте внимание на эти надписи—хорошо?

Боюсь также, что я перепутал: очень трудно разобрать по фотографии, которые из вас господины, а которые—госпожи, вы все такие курносые.

Мне хочется прислать вам здешних раковин для музея, о котором писал мне Витя, и я наверное сделаю это спустя некоторое время.

Получив ваши письма, я хохотал от радости, так, что все рыбы высунули носы из воды—в чем дело? Я об'яснил им, что на берегу другого моря живут славные люди, они еще маленькие, но, я уверен, что и большими они будут хороши—вот почему мне радостно.

[2] С Первым Мая, о своих приготовлениях к которому ему писали ребята.

Чтобы вы не говорили, что я плохо пишу и меня нельзя читать[1]—вот я напечатал это письмо на машинке.

Сами-то вы хорошо пишете! Подождите-ка, я приберегу ваши письма и лет этак через двадцать покажу вам их,—хорошенькие словечки прочитаете вы там!

Например, позвольте спросить—что такое перепаха? линтяй? дюжена? спилталк?

Уж я-то не коверкаю так умело русский язык, как вы это делаете!

В чем я слаб—так это в употреблении буквы „Ъ„—только вы никому не говорите об этом.

Эта буква всегда меня смущает и когда дело доходит до нее, я чувствую себя так, как-будто мне не сорок, а всего четыре года.

Даже в словах „пять", „поднять", „понять"—мне чудится это „Ъ", отчего бывает что я пишу вместо „пять"—„пъть".

Джеффри, Лиза, Витя, Эльза, Федя, Дима, Лена, Мери, Мема, Шура, Ирена, Павел, Нора, Федя, Боря, Гюнт—маленькие корреспонденты Горького

После землетрясения в Мессине площадь Виктора Эммануила

С какой большой радостью повидался бы я с вами, милые дети, как бы славно мы поиграли и сколько мог бы я рассказать вам забавнейших вещей. Я хотя и не очень молод, но не скучный парень и умею недурно показывать, что делается с самоваром, в который положили горячих углей и забыли налить воду. Могу также показать, как ленивая глупая рыба „перкия" берет наживу с удочки, и много других смешных вещей. Я очень люблю играть с детьми, это старая моя привычка; маленький, лет десяти, няньчил своего братишку—он умер, потом няньчил еще двух ребят и, наконец, когда мне было лет 20—я собирал по праздникам ребятишек со всей улицы, на которой жил, и уходил с ними в лес на целый день, с утра до вечера.

Это было славно, знаете ли! Детей собиралось до 60, они были маленькие, лет от четырех и не старше десяти; бегая по лесу, они часто, бывало, не могли уже итти домой пешком. Но, у меня для этого было сделано такое кресло, я привязывал его на спину и на плечи себе, в него садились уставшие и я их превосходно тащил полем домой. Чудесно!

Хорошее было время, мне приятно вспоминать о нем...

А потом я сделался писателем—это очень трудное дело, хотя я и люблю его.

Трудно оно больше всего потому, что эти взрослые люди, которые читают книжки, должно быть, забывают, что писатель тоже человек, и разглядывают его так, как-будто он четвероногая рыба или крылатый козел.

Это очень мешает жить, обязывает любезно улыбаться, когда совсем не хочешь улыбок, и все время необходимо вежливо говорить взрослым:

— Благодарю вас за внимание, я весьма польщен.

И думаешь про себя:

— „Желаю вам от всей души, чтобы у вас заболел зуб"!

Так-то, дорогие друзья мои!

Ирена просила, чтобы я написал пьесу для детей— я попробовал и оказалось, что не умею.

Издаете ли вы свой журнал?

Если кроме 1-го номера были еще—пришлите, пожалуйста, мне.

Я попытаюсь написать для вас сказку—идет?

Будьте здоровы и не ссорьтесь часто. Эти ссоры, я вам скажу, ужасно мешают жить весело.

М. Горький"

Горький не ошибся в оценке своих маленьких корреспондентов. Теперь они уже взрослые хорошие люди и работники. Многие из них комсомольцы и коммунисты. Другие учат рабочих и их детей. У некоторых уже у самих есть дети и, наверное, тоже хорошие. Самая маленькая школьница — татарка Мема, теперь работает врачом в доме отдыха для рабочих. А трое в 1919 году пошли добровольцами на врагов советских рабочих и крестьян. Они все трое погибли. Но их товарищи гордятся ими, что они своею кровью помогли победе Ленинского дела.

[1] Кто-то из детей ему писал, что он пишет еще хуже их,—что сейчас видно, что он нигде не учился.

ЗАБАСТОВКА ТРАМВАЙЩИКОВ

Рассказ МАКСИМА ГОРЬКОГО

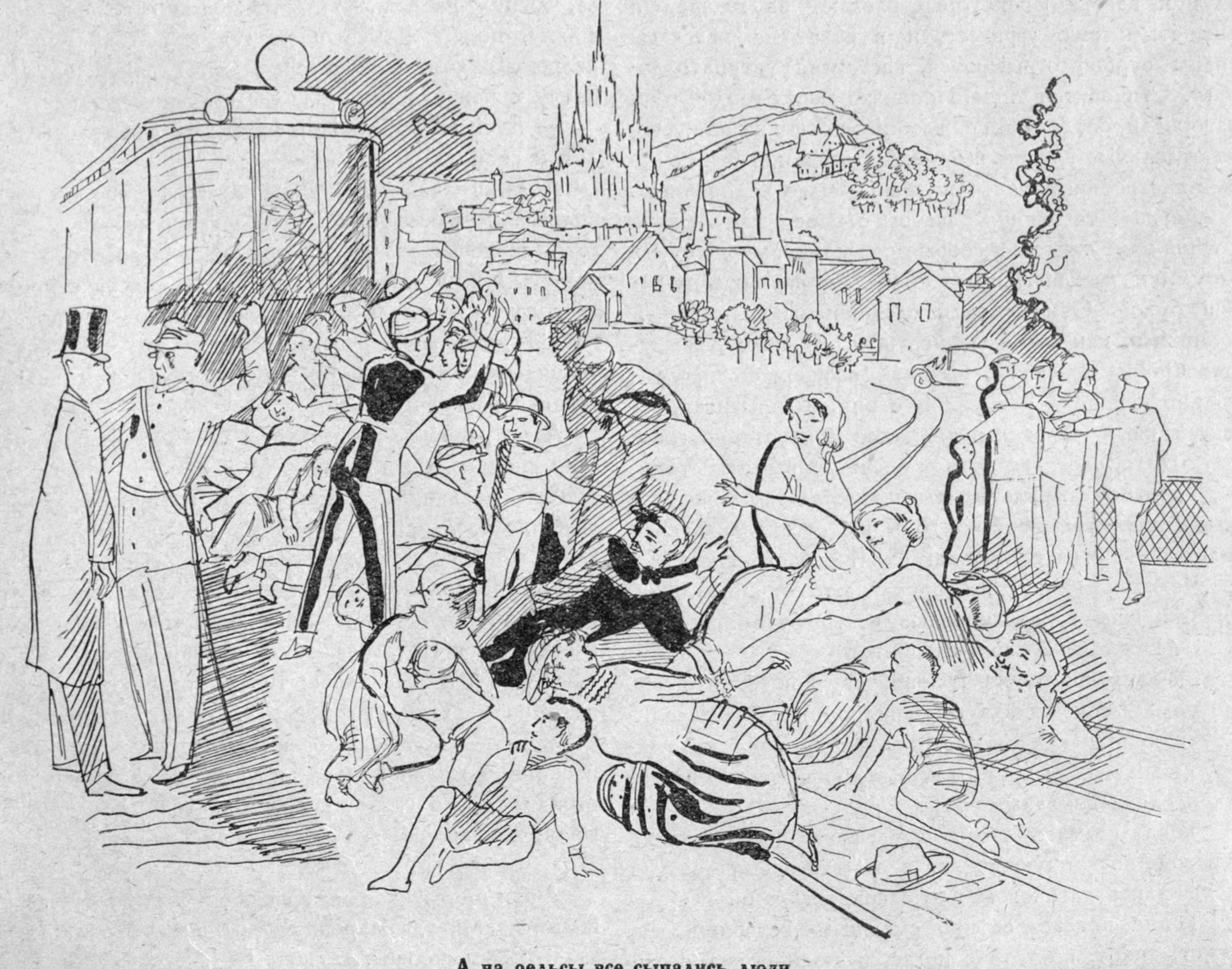
Рисунок художника МАГО

Забастовали служащие трамвая: во всю длину Ривьеры Киянья вытянулась цепь пустых вагонов, а на площади Победы собралась толпа вагоновожатых и кондукторов—все веселые и шумные, подвижные, как ртуть, неаполитанцы. Над их головами и над решеткой сада сверкает тонкая, как шпага, струя фонтана; их окружает большая толпа людей, которым надо ехать по делам во все концы огромного города,—и все эти приказчики, мастеровые, мелкие торговцы, швеи, сердито и громко порицают забастовавших. Звучат сердитые слова, колкие насмешки, и непрерывно мелькают руки, которыми неаполитанцы говорят так же выразительно и красноречиво, как и неугомонным языком.

С моря тянет легкий бриз, и огромные пальмы городского сада тихо качают веерами темно-зеленых ветвей, а стволы их странно подобны неуклюжим ногам чудовищных слонов и точно высечены из камня. Мальчишки—полуголые дети неаполитанских улиц—скачут, как воробьи, наполняя воздух звонкими криками и смехом.

Город, похожий на старую гравюру, щедро облит жарким солнцем и весь поет, как орган; синие волны залива мерно бьют в камень набережной вторя ропоту и крикам гулкими ударами—точно бубен гудит.

Забастовщики угрюмо жмутся друг к другу, почти не отвечая на раздраженные возгласы толпы; влезают на решетку сада, беспокойно поглядывая в улицы через головы людей и напоминая стаю, волков, окруженную собаками. Всем ясно, что эти люди, однообразно одетые, крепко связаны друг с другом непоколебимым решением, что они не уступят,—и это еще более раздражает толпу. Но среди нее есть и философы: спокойно покуривая, они увещевают слишком ретивых противников забастовки:

А на рельсы все сыпались люди

— Э, синьор! а как быть, если нехватает детям на макароны?

Группами, по два и по три, стоят щеголевато одетые агенты муниципальной полиции, следя за тем, чтобы толпа не затрудняла движения экипажей. Они строго нейтральны. С одинаковым спокойствием смотрят на порицаемых и порицающих и добродушно вышучивают и тех, и других, когда жесты и крики принимают слишком горячий характер. На случай серьезных столкновений, в узкой улице стоит отряд карабинеров, с коротенькими и легкими ружьями в руках. Это довольно зловещая группа людей, в треуголках, в коротеньких плащах, с красными, как две струи крови, лампасами на брюках.

Перебранка, насмешки, упреки и увещания,—все вдруг затихает, над толпой проносится какое-то новое, словно примиряющее людей веяние—забастовщики смотрят угрюмее и в то же время сливаются плотнее, а в толпе раздаются возгласы:

— Солдаты!

Слышен насмешливый и ликующий свист по адресу забастовщиков; раздаются крики приветствий солдатам, а какой-то толстый человек, в легкой серой паре и панаме на голове, начинает приплясывать, топая ногами по камню мостовой. Кондуктора и вагоновожатые медленно пробираются сквозь толпу, идут к вагонам, некоторые влезают на площадки; они стали еще угрюмее, и в ответ на возгласы толпы сурово огрызаются, заставляя уступать дорогу. Становится тише. Пронизав массу людей, они разорвали, разделили враждебную толщу их на куски, на отдельные группы и словно заразили каким-то новым настроением, менее шумным, более человечным.

Легким, танцующим шагом с набережной Санта Лючия идут маленькие серые солдатики, мерно стуча ногами и механически однообразно размахивая левой рукой. Они кажутся сделанными из жести и хрупкими, как заводные игрушки. Их ведет, нахмурив брови, красивый, высокий офицер; он презрительно искривил рот, рядом с ним, подпрыгивая, бежит тучный человек в цилиндре и неустанно говорит что-то, рассекая воздух бесчисленными жестами.

Толпа отхлынула от вагонов; солдаты, точно серые бусы, рассыпались вдоль их, останавливаясь у площадок, а на площадках стоят забастовщики.

Человек в цилиндре и еще какие-то солидные люди, окружившие его, отчаянно размахивая руками, кричат:

— Последний раз... слышите?

Офицер, наклонив голову, скучно крутит усы, к нему, высоко взмахнув цилиндром, подбегает человек и хрипло кричит что-то. Офицер искоса взглянул на него, выпрямился, выправил грудь—раздались слова команды.

Тогда солдаты стали вспрыгивать на площадки вагонов, на каждую по два и в то же время—оттуда посыпались вагоновожатые с кондукторами.

Толпе показалось это смешным—вспыхнул рев, свист, хохот, но тотчас погас, и люди молча, с вытянутыми, посеревшими лицами, изумленно вытаращив глаза, начали медленно отступать от вагонов, всей массой подвигаясь к первому из них.

И стало видно, что в двух шагах от его колес, поперек рельс, лежит, сняв фуражку с седой головы, вагоновожатый с лицом солдата, лежит—вверх грудью, и усы его грозно торчат в небо. Рядом с ним бросился на землю еще маленький, ловкий, как обезьянка, юноша, вслед за ним, не торопясь, спускаются на землю еще и еще люди...

Толпа глухо гудит, раздаются голоса, пугливо взывающие к мадонне; некоторые мрачно ругаются, взвизгивают и стонут женщины, и, как резиновые мячи, всюду прыгают пораженные зрелищем мальчишки.

Человек в цилиндре орет что-то рыдающим голосом, офицер смотрит на него и пожимает плечами—он должен заместить вагоновожатых своими солдатами, но у него нет приказа бороться с забастовавшими.

Тогда цилиндр, окруженный какими-то угодливыми людьми, бросается в сторону карабинеров—вот они тронулись, подходят, наклоняются к лежащим на рельсах, хотят поднять их.

Началась борьба, возня, но вдруг—вся серая, пыльная толпа зрителей покачнулась, взревела, взвыла, хлынула на рельсы; кто-то сорвал с головы свою шляпу, подбросил ее в воздух и первый лег на рельсы, рядом с забастовщиком, хлопнув его по плечу и крича в лицо ему ободряющим голосом:

— Evviva l'Italia e la liberta! (Да здравствует Италия и свобода!)

А за ним на землю стали падать—точно им ноги подрезали—какие-то веселые, шумные люди, люди, которых не было здесь за две минуты до этого момента. Они бросались на землю, смеясь, строили друг другу гримасы и громко кричали офицеру, который, потрясая перчатками под носом человека в цилиндре, что-то говорил ему, усмехаясь и встряхивая красивой головой.

А на рельсы все сыпались люди, женщины бросали свои корзины и какие-то узлы, со смехом ложились мальчишки, свертываясь калачиком, точно озябшие собаки, перекатывались с боку на бок, пачкаясь в пыли, какие-то прилично одетые люди...

Пятеро солдат с площадки первого вагона смотрели вниз, на груду тел под колесами—и хохотали, качаясь на ногах, держась за стойки, закидывая головы вверх и выгибаясь; теперь они вовсе не похожи на жестяные заводные игрушки.

... Через полчаса по всему Неаполю с визгом и скрипом мчались вагоны трамвая, на площадках стояли, весело ухмыляясь, победители, и вдоль вагонов ходили они же, вежливо спрашивая:

— Бильетти?

Люди протягивая им красные и желтые бумажки, подмигивали, улыбались, добродушно ворчали:

— Вы довольны, да?..

ДЕСЯТЬ ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ

У. С. Р. Р.

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

1918-1928

Революційній Військовій Раді С.-Р.-С.-Р.

[illegible]

Слава й честь червоним бойцям!

Слава й честь героїчній Червоній Армії — Революційній Військовій Раді С.-Р.-С.-Р.

Всеукраїнський Центральний Виконавчий Комітет

[illegible]

Прошла десятая годовщина Красной армии. Пошел одиннадцатый год ее славной, боевой и трудовой жизни. В десятую годовщину награжден орденом красного знамени ленинский комсомол, беззаветно сражавшийся на всех фронтах гражданской войны.

Бешено мчалась красная конница

Парад Красной армии в Москве происходил в свирепый мороз. Ровно в 10 утра, с последним ударом часов Спасской башни, раздалась команда „Смирно"! Красная площадь замерла. Полки пехоты, кавалерии, артиллерии, вооруженные отряды рабочих и санитарные дружины стояли не шелохнувшись.

После кратких речей начался парад. Тяжелой поступью проходила пехота, громыхала артиллерия и бешено мчалась красная конница.

Иностранные послы и их военные представители, обязанные присутствовать на параде, отдавали честь войскам Красной армии, хотя это едва ли им доставляло большое удовольствие. Они ушли, как только на смену красноармейцам влилась на площадь многотысячная военная демонстрация рабочей молодежи.

Представители иностранных армий на параде

Свыше двух часов лился по Красной площади нескончаемый поток комсомольских полков и батальонов. На фоне кожаных курток и вороненых штыков ярко выделялись белые пятна косынок санитарных дружин.

28° мороза не испугали молодежь. Своей стройностью и выдержанностью она еще раз показала свою боевую готовность.

Красной армии—одинадцатый год!

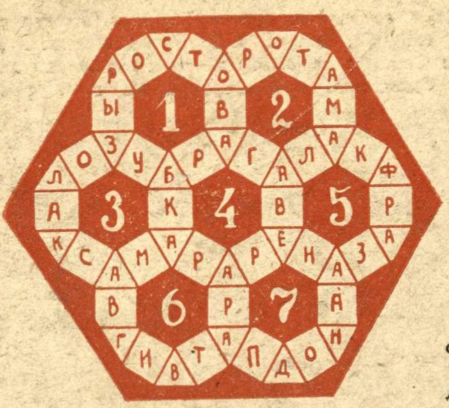
Цена 20 коп.

10819

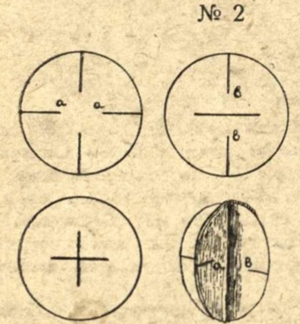
ОТГАДАЙ

Решение, задач помещенных в номере 1

№ 1

№ 2

Фигура составляется из 3-х отдельных кружков; на каждом кружке делаются надрезы, как показано на рисунке, а затем они все постепенно соединяются вместе.

Почтовый ящик

Леня М. (Омск), Ловен В. (Пенза), Сахарову С. присланное не подошло. Присылайте еще.

Ответы на остальные письма и фамилии решивших задачи будут помещены в следующий раз.

Шарада № 13

Частью первою бывает
Человек порою.
Часть вторая же летает
Летом и весною.
Все нам слышится повсюду,
Коль сберется много люду.

Логогриф № 14

(В. Бородин — г. Щигры)

С „у" породу птиц обозначает
С „о" же пряностью бывает.
Задача верная, поверьте,
А не поверите—проверьте.

Шуточные вопросы.

1) С каким предлогом надо соединить острую палку, чтобы получить птицу?

2) Какие три предлога и союз необходимы крестьянину.

Задача № 15

Смышленый пионер

Для украшения клуба срочно надо было сделать красного цвета квадрат. Но так как под руками не было ни краски, ни красной бумаги, один пионер предложил использовать для этой цели оставшуюся от старого лозунга красную бумажную букву „Е". Он предложил разрезать ее на пять частей и, не тратя зря ни одной части, оклеить ими картон, ный квадрат. Как пионер предложил разрезать букву?

Е

Ребус № 16 (Зинчертель—Одесса).

